

Игорь Ворона

§ ПРОЕКТ ЮНЕСКО §

ЛИЕСО ЪВОТЕКЛЪС

Игорь Ворона
Проект ЮНЕСКО

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

2023

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)

Ворона И.

Проект ЮНЕСКО / И. Ворона — Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2023

ISBN 978-5-00025-299-4

Главный герой пронёс через всю жизнь память о девушке, которой был увлечён в молодости. Неожиданно во второй половине жизни судьба, казалось бы, действительно подарила ему встречу с ней, но всё оказалось не так просто... Первое издание вышло в 2021 г. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-00025-299-4

© Ворона И., 2023
© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2023

Содержание

Аэропорт Ньюарк	38
Плезантвиль. Штат Нью-Йорк	47
Нью-Йорк. Манхеттен	54
Нью-Йорк. Куинс	57
Нью Йорк. Театральный Дистрикт	58
Плезантвиль	66
Нью-Йорк. Манхеттен. Мемориал 9/11	69
Плезантвиль. Штат Нью-Йорк	70
Плезантвиль. Штат Нью-Йорк	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Игорь Ворона Проект ЮНЕСКО

© Ворона И., 2023

© Оформление. ООО «Издательско-Торговый Дом «СКИФИЯ», 2023

*Мука – жить памятью, когда память уже ни на что не нужна.
Альбер Камю*

Постараться поспать...

Обстоятельства последнего года его жизни превращали эту тривиальную потребность в очень трудную работу. Чувствуя благодатную почву, бессонница, как правило, быстро пробивает на поверхность свои сорняковые ростки. Борьба с ними не всегда даёт положительный результат. Ведь благодатность почвы намекает, что следующую ночь, скорее всего, придётся начать с новой прополки. Иногда, чтобы приблизить сон, он включал телевизор и смотрел получасовые телепередачи о выборе недвижимости в разных частях Америки. Мысли уносились подальше от штата Нью-Йорк, отправлялись в путешествие по огромной стране. Впрочем, уже довольно скоро, он ловил себя на том, что его сознание очень далеко от Флориды, Аризоны, Карибов и опять вертится вокруг нахлынувших на него проблем, сном и не пахнет и надо искать другие виды снотворного.

Чтобы избежать последней палочки-выручалочки, врученной ему психотерапевтом, которого он посещал уже несколько месяцев, он решил поползть по социальным сетям. В какие-то ночи помогает. Пристроенный на коленях ноутбук уносит в прошлое, отодвигает проблемы завтрашнего дня в сторону, расслабляет психику. Пространство интернета, куда люди, как правило, выставляют свои чаяния и мечты вместо реальных фактов своей жизни, увлекает, забирает тебя от насущных трудностей. А завтра за окном наступит новый день. И надо будет встать, вспомнить то, что не получилось за эту ночь забыть... и куда-то как-то ехать. Ремонтировать дома, продавать их. Работать, невзирая на безнадёжную усталость. Быть хорошим отцом, быть хорошим мужем, делать всё ради хлеба на их столе и покоя в их душе. Даже если обстоятельства последнего года твоей жизни превратили это в очень трудную работу. Сегодня, хотя усталость просто валила с ног, наклоняла голову к груди, отключиться от жизненных новостей не представлялось возможным. Истощённый мозг отчаянно пытался выторговать у времени несколько спасительных часов отключки. Но ночью время – есть непонятная реальность. В какие-то ночи его удаётся победить, в какие-то не очень. Все ночи разные. Он открыл ноутбук...

Одноклассники. ru

September 6, 2017

Вам сообщение.

От: Элина Швайгерт
Rishon Lezion Israel

Простите, пожалуйста, за вторжение на Вашу страницу.
Не жили ли Вы в Литве в 1980-х годах?

Его пальцы не сразу легли на клавиатуру его машины времени:

От: Гарри Оронов
Pleasantville USA

Жил.

В 1987/88 я даже частенько бывал в Шяуляе. В основном по выходным.

Задерживался там допоздна. Пил кофе на кухне уютной и большой квартиры.

???!!! Это ты!?

Боже мой!

Это вот тот мальчик, который пил кофе у меня на кухне?

Я смотрю и так, и этак.

Листаю фотки.
И не могу поверить.
Ты так изменился!

Да, я понимаю. Если бы мне тогда показали моё отображение в зеркале времени, я бы тоже не поверил.

Ну, уж принимай таким, какой есть.

Ну ничего так мужчинка
Прям к ране прикладывать можно
Я пробежалась по твоей странице.
И по открытой переписке.
У тебя прекрасные виртуальные подружки.
Удивляюсь, как тебя ещё до сих пор не разобрали на сувениры.
Удивлён?

Чему?

Ну, что я вот нашлась, так сказать

Да как тебе сказать.

Обычно, когда общие наши с тобой знакомые спрашивают о тебе, я отвечаю что-то вроде:

«А, Элка Швайгерт; да-да, что-то такое помню. Но это не то, что отражает мои чувства и мою память о тебе».

Понимаешь...

Чем правдивее я отвечу на твой вопрос, тем невероятнее покажется тебе мой ответ.

Расскажи лучше о себе. Я ведь ничего про тебя не знаю. Знаю, что вышла замуж. Знаю, что уехала тогда в Израиль, знаю, что жила какое-то время в Ришон-ле-Ционе. Знаю, что родила дочу. Это все мои знания.

Доча моя уже очень взрослая девочка.
Свои дела, свои проблемы, своя жизнь.
Но для меня она всегда маленькая, я ведь мама.
Как сейчас помню её в коляске.
Помню, как она родилась по приезде на землю обетованную.
Помню, как переживала, оставляя её на няню, убегая на курсы языка, профессиональные курсы.

Что у тебя на этом поприще?

Женат? Дети?

Женат.

Мальчики. Погодки. Я их очень люблю.

Чем ты занимаешься в Израиле? В смысле профессии.

Тем чему училась в Союзе.

Медициной. В Израиле доучиться, правда, пришлось.

А ты?

Список моих занятий в Америке будет длинным.

Пока пишу, можешь поместить здесь своё фото?

У меня кроме трёх твоих тогдашних фотографий – Двух цветных из ателье и одной черно-белой, где ты сидишь на диване у меня в Вильнюсе, ничего не осталось.

Ты у меня в голове тогдашня.

Дай посмотреть на тебя теперешнюю.

Ну вот... смотри...

Страх, да?

Я бы не хотел употреблять это слово. Глаза те же. И щёки, только больше.

Причёска модная. Ты очень похожа на свою маму. Такой, какой её помню. Как она, кстати?

Мама нормально.

Но скажи честно, разочарован?

Я так сильно постарела?

Я не могу так сказать.

Пойми, это очень субъективно. Я смотрю сейчас на твоё фото и, возможно вижу не то, что там есть, я вижу то, что хочу видеть.

Как я уже сказал, список моих занятий в Америке будет длинным. Профессия моя оказалась здесь не так чтобы кому-то нужной. Работал то там, то сям, что подворачивалось. Учил английский и программирование.

Работал программистом, неплохо в принципе зарабатывал.

Потом потянуло заниматься бизнесом. Делал какие-то инвестиции. Не всегда удачно, впрочем.

В общем самой удачной стезёй оказалась недвижимость. Скупал дома, квартиры. Делал ремонт.

Продавал. Сдавал в аренду. Это и есть сейчас основное, чем занимаюсь.

Гарик, а Плезантвилль это где?

Где ты живёшь?

Это пригород Нью-Йорка. В часе езды от центра Манхеттена.

Обыкновенная американская заасфальтированная деревня.

А ты?

Всё там же, куда попала сразу по приезде в Израиль?

Да. Всё там же. И всё то же...

А вы были в Израиле?

Нет. Не были. Всё время как— то планировали, и всё время что-то... Не получается пока у нас с посещением Израиля.

Так приезжайте. У нас здесь хорошо.

Полно древностей всяких

Посмотрите Иерусалим к тому же, там говорят, что от стены плача прямая связь с Богом.

Короткая связь?

Ну да...

Ты веришь в Бога?

Не знаю.

Хотелось бы, наверное, верить.

Но не всегда получается. Да и вообще, иногда мне кажется, что Он очень несправедлив.

Поэтому пока хочется отложить эту с Ним встречу.

Но вообще-то мне часто кажется, что кто-то там в поднебесье, давно имеет на всё свой план, просто выполняет свой заранее одобренный проект.

Элла, мне надо уйти.

До скорого.

Пока...

September 13, 2017

Пришёл?

Да.

Гарик, давай свяжемся по телефону.

Мне как-то не совсем с руки здесь печатать

Или по скайпу?

Я не люблю разговаривать по скайпу.

Изображение плохое, звук плавает часто, задержки. Это, как правило, пародия на настоящий разговор.

А по телефону...

Понимаешь, ещё сложнее.

У тебя вечер, у меня утро.

Я чем-то занят, когда ты позвонишь, или наоборот. Скомканые получатся эти разговоры.

И вообще, люди в современном мире разучились писать друг другу? Давай как в старые добрые времена. Не спеша (или, наоборот, в спешке) будем писать друг другу. Раз уж ты, так сказать, нашлась.

Только одно условие:

Писать правду, не лукавить.

Мы ведь уже такие взрослые.

Я, сам не знаю почему, запрограммирован с тобой на честность.

Написал(а), нажал(а) кнопку, и всё. Как говорится, не вырубить топором.

Согласна?

Ну, давай...

Гарик, я перелистываю ещё раз твои фотки

И?

Гарик, я не могу поверить, что ты так молодожаво выглядишь.
Можешь сфоткаться сейчас и поместить сюда?

Лови...

Привет из Флориды.

Ты во Флориде сейчас?

А что ты там делаешь?

Один?

Из одного из моих домов выехали квартиранты. Мне нужно подготовить дом для сдачи следующим. Немного подкрасить, заменить плиту на кухне, ещё чего-нибудь по мелочам. Думаю, за неделю справлюсь.

У тебя и во Флориде дома?

А ты что, мини-Трамп?

Ой, Господь с тобой. Я даже не микро-Трамп. Ну просто в свое время много работал.

Не сорил деньгами. Наверное, принимал правильные финансовые решения. Где-то, наверно, повезло. Как результат, у меня есть недвижимость в трёх штатах. Это позволяет мне не вставать на работу каждый день в 6 утра.

И твоей жене тоже?

И ей тоже. Она у нас вообще на особом положении.

И что это за ПОЛОЖЕНИЕ?

Неужто захотели девочку занять на старости лет?

У вас там в Америке чего только не творят!

Девочки пока подождут.

Кстати знаешь, тогда, когда у меня еще теплилась надежда на тебя, мне очень хотелось, чтобы первый ребенок у нас была девочка.

И чтоб очень на тебя похожа была.

Оронов, смешно слушать.

Ты даже меня поцеловать тогда не решился.

А чтобы сделать девочку или мальчика, нужно чуть больше решимости.

Да, не решился. Прости уж того нелепого застенчивого мальчика.

Кстати в этом есть и твоя небольшая ошибка.

??? И какая же?

В один из моих наездов в Шяуляй я сказал себе: «Ну всё. Вот сегодня я это сделаю».

А ты накормила меня в тот день квашеной капустой с луком. Куда ж с таким запахом целоваться было-то лезть.

А потом все как-то катилось вниз.

Я понимал, что выгляжу все debilнее и нелепее. Я перестал быть самим собой. Чем больше я хотел тебе понравиться, тем меньше у меня это получалось.

В своём сознании я вознёс тебя на такой высокий пьедестал, что через какое-то время мне уже самому было не дотянуться до его подножия.

Иногда мне казалось, что ты мне отвечаешь, что в твоих глазах, в твоём поведении есть какой-то ответ, какой-то знак.

Или я просто видел то, что хотел видеть.

Очень хотел это видеть...

А иногда я понимал, что ты, наверно просто так, держишь меня на привязи. Про запас.

И чем дальше, тем больше.

Мне хотелось продлить эту агонию. Пусть хоть ещё неделя, и ещё одна.

Видеть тебя.

Слышать твой голос.

Ты была любовью моей жизни.

Как бы нелепо для тебя это сейчас ни звучало.

И чем дальше, тем больше.

Несмотря на все мои старания, я так и не смог забыть тебя.

Ничего подобного я не испытывал ни к какой другой женщине. Ни до, ни после.

Гарик, я читаю сейчас эти строчки и как-то всё всплывает, как-то не по себе мне немного. Неужели ко мне можно было испытывать такие чувства?

Неужели я того стоила?

Насчёт стоила, вопрос не ко мне. Я и сам себя потом долго спрашивал – ну что ты нашел в этих полутора метрах рыхлой коротконогой близорукой жопы.

Спрашивал, и... не находил ответа.

Мне потом понадобилось очень много времени чтобы справиться с одной, казалось бы, простой задачей – не думать о тебе каждый день.

Как ты меня назвал!!!???

Фу какая мерзость

Хотя, хмм...

Забавно...

Слушай. Я хочу спросить, а кто писал мой портрет маслом, который ты мне подарил на день рождения?

Писал я.

С твоих цветных фотографий из ателье.
Их было два на самом деле.

Два портрета.

Там, где ты без очков, был первым; он не очень у меня получился.
Но всё равно, ты там такая мягкая, домашняя, нежная.

И слабая. С такой беззащитной растерянностью в близоруких глазах.

Которую так хотелось, прости уж за банальность, заслонить всем своим мужским естеством от невзгод и грязи этого мира.

Она досталась тебе.

И тот, где ты в очках. На него я потратил больше времени.

Ты там такая, неотразимая, холодная, неприступная.

И сильная.

Женщина-пантера, чей стопудовый пресс я так и не смог преодолеть тогда.

Она досталась мне.

От невзгод и грязи этого мира...

Как ёмко, как кратко и как сильно сказано

Хоть и банально...

Вау, ты талант!

Я и не предполагала, что в тебе такие таланты.

Художника или защитника?

Уточни, какие таланты.

Оронов, не лезь в бутылку.

Я понимаю, что в тебе сейчас клокочет.

Но что мы можем сделать по этому поводу?

Чтобы тебе было легче – не так много вокруг меня и художника, и защитника.

Гораздо больше мыслей о высоком искусстве.

Знакомо...

И где «та в очках», о наличии которой я даже не предполагала, которая досталась тебе?

Она висела в моей вильнюсской квартире до отъезда в Америку.

Я уезжал с двумя баулами и не мог взять его с собой. Да и таможня к тому же. Долго пришлось бы объяснять, что это не Репин и не Крамской, а всего лишь картина неизвестного художника. Потом мои хранили его у себя, почти до их отъезда в Америку.

Папа с моего разрешения подарил его дочери друга на свадьбу, когда та выходила замуж за курсанта военно-морской академии.

С комментариями и пожеланием счастья.

Объяснил им, что этот портрет для меня значит.

Так что с большой вероятностью можно сказать, что висит твой портрет где-то в квартире капитана первого ранга, или может уже адмирала. Насколько я знаю, они до сих пор вместе и... если умеют хранить талисманы...

Где-то в Новороссийске, или, может, теперь в Севастополе.

Портрет Неизвестной.

Неизвестного художника.

Портрет дочери полковника в квартире у адмирала...

Романтично...

Гарри, на твоей странице нет ни одной фотки твоей жены.
Можешь показать?

Прости за любопытство.

Вот... смотри.

Это 2 года тому назад.

Оронов!!!!

Ты ненормальный!

Как ее фамилия?

Не волнуйся. У вас нет общих родственников. Но... как говорится, искал по образу и подобию...

Насколько она меня моложе?

Она старше тебя на три года.

Почему она так молодо выглядит?

Где секрет?

Думаю, генетика + хороший муж.

Шучу.

Издеваешься ты, а не шутишь.

Помнишь, тогда при нашем последнем разговоре я сказала, что я всё понимаю.
Тебе двадцать семь, тебе пора.

А я что, я ещё молодая.
Я – говно в проруби
Я ещё поболтаться хочу.
Я к тебе в тридцать лет приду, скажу:
Оронов, возьми замуж.
Возьмёшь?

Помню.

А через тридцать
И такую, как я сейчас?
Возьмёшь?

Для этого мне нужно:

1. Простить тебе нашу несовместную жизнь.
2. Согласиться, что на безрыбье и Оронов жених.
3. Развестись.

С моим характером каждая из этих задач довольно трудная.
А уж по их совокупности...

October 1, 2017

Оронов, два пожелания: приходи сюда чаще и не будь таким серьёзным.

Хорошо?

October 6, 2017

Хорошо.
Попробую.
Знаешь... я перечитал свою здесь писанину... и я.

Гарри, что?

???

А чего это ты не спишь?
У вас же четыре утра.
Или сколько это у вас?

Начало пятого.

Ой... не спишь, не спишь...
Не сплю...

Луна полная в окно светит.
Спать не даёт.

Так что ты?

Да сам себе противен.

Элина, ты ведь ни в чём не виновата передо мной. Давай завтра я тебе постараюсь объяснить мое понимание.

Я сегодня много работал.

Я валюсь с ног. И тебе надо спать. Ночью люди должны спать.

Ложись спать. Дай мне уйти.

Дай мне поспать.

Спокойной ночи.)))

Уй, погоди, как ты меня назвал?

Элина?

Ты же никогда меня так не называл.

Только Элла.

Всегда только Элла.

Я называл тебя так, как ты мне представилась при первом знакомстве – Элла. Элиной ты была для мамы, папы, брата, близких друзей.

Но мне очень хотелось называть тебя Элина. Присоединиться к этому кругу. Я даже долго тогда фантазировал при каком удобном случае мне это сделать. После первого поцелуя? Первой близости? К сожалению, у меня не получилось даже первого.

Ты здесь?

Ты не здесь...

Здесь

Гарик?

Ушёл...

October 11, 2017

Элина?

Да

Смотри, современные технологии позволяют нам преодолевать пространство очень быстро. Кликни на эту сноску.

Ой, мой подъезд в Шяуляе!!!!

Да, я здесь тебе признавался в любви. Помнишь, что я тебе сказал?

Нет, не буду врать, не помню.

Ну да ладно. Зато правда.

Правда всегда одна...

А что ты мне сказал?

Ну ка говори...

Элина.

Ты менее сентиментальный человек, чем я.

Такие вещи говорят женщине один раз в жизни. Она их либо принимает и, знает, что с этим делать, либо не знает, что с этим делать.

Или... она хочет это слышать, но от кого-то другого...
Второй раз не скажу. Уж не обессудь.

Нет, говори
Я тебе приказываю!
Говори!

Элина, мне срочно надо уйти.
На самом деле. Неотложное дело. Не злись. Давай до связи.
Хорошо?
Прими вот мой воздушный поцелуй.

Ой, ну хоть воздушный...
Пока...

Ты здесь?
Ты не здесь...

Я сказал тебе тогда что... Ты меня послушай, только не перебивай. Я и так себя перед тобой чувствую как затравленный кролик перед удавом.

Я сказал тебе тогда, что мне теперь очень трудно представить себя рядом с какой-нибудь другой женщиной, кроме тебя.

Просто невозможно.
Это то, что я тебе сказал тогда.

October 12, 2017

Гарик, так приятно
Я так растрогалась
Ты здесь?

Здесь.

Самое дурное, что я и теперь
не знаю, что с этим делать?

Я совсем дурная, совсем дебильная?

Нет, Элина, я так не думаю.
Ты самая умная женщина из всех встреченных мною в моей жизни.
Но я – это я, и мои чувства – это мои чувства.
А ты – это ты. Тут нет ни твоей вины, ни твоей глупости.

У меня ещё кое-что есть для тебя. Лови фотку.

А что это? Какой-то вид на улицу? Что это?

Это вид из окна твоей комнаты в Шяуляе пару месяцев тому назад.

Ой, точно!!!!

Постой, пару месяцев тому назад?

А как он у тебя оказался?

Да всё просто очень. Пару месяцев тому назад я узнал очень плохие новости. Чтобы забыться как-то, я стал лазить по интернету как бы это сказать... в поисках сна, который так и не растворился в воспоминаниях.

Я наткнулся на теперешних хозяев вашей квартиры в Шяуляе.

У ребят на самом деле интересный проект. Они хотят сделать этот дом памятником архитектуры и наследием ЮНЕСКО.

Но как?

Помимо реставрации, придания зданию и квартире первоначального вида, так как всё это выглядело в конце двадцатых годов прошлого века, им нужны фотоматериалы от прежних хозяев, какие-то интересные истории, которые происходили в этом доме.

Сам не знаю почему, повинуюсь какому импульсу, но я написал этим ребятам. Объяснил им, кто я такой, и какое отношение имел к этой квартире в 1980-х годах.

Они на самом деле вас ищут, вашу семью.

А я ничего не знаю об этом.

Интересно...

Ну вот. Они попросили рассказать им пару историй, что я и сделал.
(Для ЮНЕСКО всё-таки)

А я попросил их прислать мне этот вид из твоего окна.

Они прислали. А что в этом такого. Это всего лишь вид из окна.

Помнишь, в тот день, 2-го мая 1988 года, было очень жарко.

Я стоял возле этого окна, прислонившись лбом к стеклу и повернувшись к тебе спиной.

Ты сидела за столом рядом и говорила мне, что мы не будем вместе, и что это наш с тобой последний день.

Я стоял у окна, смотрел на этот вид, кусая губы от отчаяния, сдерживал слёзы и... не знал, что мне делать.

Я как рыба, лишённая спасительной воды, безмолвно двигал жабрами и... медленно свикался с тем, что ты мне говорила.

Это всего лишь вид из окна...

Гарик, ты как-то... Ой, фууу...

Я не знаю.

Что ты делаешь?

Я, что я? Я ничего не делаю сейчас. Отдыхаю я. Коньяка рюмку вот налил себе.

Нет, что ты со мной делаешь?

Ты хоть понимаешь?

Что я с тобой делаю? Не знаю.

Ну просто рассказал тебе короткую историю любви. От подъезда до вида из окна. Поместилось на одну страницу.

Так... растер в интернете свои сентиментальные сопли.

Ага, всего лишь...

Слушай, а твоя жена знает что ты растираешь здесь в интернете свои сентиментальные сопли?

Нет.

Ты вообще-то понимаешь, что это для тебя может закончиться покупкой билета в Тель-Авив? Жена простит тебе?

Сентиментальные сопли в интернете – не знаю.

Билет в Тель-Авив – нет.

Я себе билет не прошу.

Гарик...

Гарри, ты здесь?

Ушёл...

October 13, 2017

Гарри, а что ты написал этим ребятам?
Ну теперешним хозяевам нашей квартиры?

Да что я им мог написать.

Ведь ничего же не было.

А если бы и было? Как я могу делить с чужими людьми свои самые сокровенные воспоминания.

Так... пару зарисовок...

Ну всё-таки?

Ну... поскольку ты тоже в этих зарисовках. То вот примерный перевод с английского того, что я им написал. Нынешнее поколение литовцев лучше говорит по-английски, чем по-русски.

Нет... знаешь, нет. Не буду.

Гарик, я понимаю, что не заслуживаю наверно...
Но... мне очень, очень важно прочесть то, что ты им написал.

Ну пожалуйста!!!

Ой, Швайгерт.

И через тридцать лет...

Нет от тебя покоя.

Ладно.

Если хочешь читать эту банальную чушь...

.....

Представьте себе вашу кухню, которую вы сейчас ремонтируете.

Поздний воскресный вечер.

Два молодых человека пьют кофе на кухне и тихо разговаривают между собой.

Разговаривают тихо, потому что её родители смотрят телевизор сразу за кухонной дверью.

Смотрят? Или прислушиваются к нашему разговору? Кто знает...

Назад в кухню...

Он отхлёбывает кофе, и осторожно смотрит на часы. 10 вечера. Ему нужно успеть на полуночный поезд в Вильнюс.

Ему на работу завтра в 6 утра.

Кого это волнует!!!

У него задача поважнее.

У него есть почти два часа допить свой кофе, два часа выпить её облик. Два часа вдыхать эликсир любви. Два часа робких редких взглядов в её глаза в попытке уловить ответ...

О Бог ты мой! Понимает ли она сейчас, что я люблю её больше жизни?

Волнует ли это её?

Значит ли это хоть что-то для неё?

Таинственное уравнение любви, которое он не был в состоянии решить...

.....

Гарик... это совсем не банально, Гарик... я плачу...

Ты веришь?

Не знаю.

Мы договорились тут в самом начале писать только правду.

Если скажу, что верю, то нарушу наш договор. Мне, наверное, очень хочется в это верить?

Я ушла...

October 15, 2017

Оронов

Я два дня хожу как пришибленная.

Хочешь правду?

Да, мы же договорились в начале самом...

Я ведь ждала от тебя тогда каких-то действий...

Да, я много вспоминал потом, я понимаю теперь.

Но временами мне казалось, что ты просто играешь со мной.

Я боялся, что с моими робкими попытками всё рассыплется.

Ты как-то временами просто валяла дурочку и я... я не знал, как к этому подступиться.

А временами я спрашивал себя, часто терзал себя вопросом – ну не может же она не видеть, что у меня к ней чувства такой силы и такой искренности...

Плюс та твоя капуста с луком в один из моих приездов.

Шучу...

Что мы можем поделать с этим теперь...

Не знаю.

Знаю, что если вот так всё это и оставить... то... я не знаю, как сказать...

Но, я думаю, ты понимаешь...

Что ты думаешь про это?

Я думаю, что я делаю успехи.

Или я хочу в это верить...

Хочу в это верить...

Хотя, в жизни бывают моменты, когда и веру, и любовь посылают на хуй.

Остаётся только надежда.

Надежда остаётся всегда.

Оронов, с каких это пор ты стал материться?

Ты ж вроде в Литве был приличным мальчиком.

Что тебе сказать...

Время, обстоятельства...

Бывают в жизни моменты, когда уже не до приличия.

И что ты делаешь в такие жизненные моменты?

Каким методом ты справляешься с таким состоянием?

Что тебе помогает?

Хочешь настоящую правду?

Да, мы же договорились в начале самом...

Я не решаюсь...

Не бойся, Гарри, не бойся, чего уже нам с тобой бояться.

Ну хорошо:

Когда мне совсем плохо я мысленно иду к идолу, которого я сам себе сотворил.

Я закрываю свои глаза и, мысленно целую его руки.

Я представляю копну его чёрных волос рядом на моей подушке и прошу его помочь пройти через трудный период в моей жизни.

Я представляю две огромные миндальные черешни за линзами его очков.

Не открывая глаза, про себя называю его разными именами и кличками и прошу помочь:

Элла,
Элина,
Элинушка,
Мой Швайгертик,
Моя Чернышка,
Моя Черепашка,
Моя Близорукая Жопка.

Помогает....

Я ушла...

October 25, 2017

Гарик, ты не заходишь сюда уже больше недели

Где ты?

November 1, 2017

Элина, я был очень занят все эти дни. Следующий месяц, а, может, два я буду ещё более занят.

Я буду приходить сюда при первой возможности. Хорошо?

Хорошо

А чем ты так занят?

Я еду в Кливленд. У меня там неотложные дела. Пробуду там месяц.

Может, больше.

У тебя что, не будет там доступа к интернету?

Боюсь, у меня не будет там времени.

Долго объяснять.

Ну не злись. Хорошо?

Хорошо.

Ты один едешь?

Нет. Вдвоём с женой.

Счастливого пути!

Пиши, когда вернётесь.

Я буду ждать.

January 1, 2018

С Новым Годом!

И тебя тоже с Новым 2018-м годом!

Ты ещё в Кливленде?

Нет. Дома.

Как встретили Новый год?

Как обычно.

Посмотрели, как падает шар на Тайм-Сквер, выпили по бокалу шампанского и пошли спать. А вы?

Как обычно...

Долго смотрела на полную луну за окном...

January 2, 2018

Гарик...

Я хотела спросить тебя.

Гарик?

January 31, 2018

Гарик?

March 2, 2018

Гарик?

Такая полная луна за окном.

Не по себе мне немного.

Где ты?

March 31, 2018

Гарик, мы молчим уже три месяца.

Но я не могу вот так всё оставить.

Вот что теперь, всё так и оставить?

Больше ничего не будет?

April 29, 2018

Знаешь, я подумала: у меня есть план, что тебе стоит сказать жене, что летишь во Флориду.

Ну что-нибудь там с твоими домами.

А билет купишь в Тель-Авив?

А?

Пора ведь переходить к действиям.

Ты мужик вообще?

Напрасно что ли тасовал здесь свою колоду страстей и амбиций?

Я обещаю тебе, никто никогда ничего не узнает.

Напрасно что ли растирал тут свои сентиментальные сопли?

April 30, 2018

Гарри, где ты?

Почему ты не заходишь сюда?

May 2, 2018

Элина, ещё немного, как ты выразилась, размазывания здесь сентиментальных соплей, и я почувствую себя тем мальчиком-доходягой, стоящим на Шяуляйском вокзале, пытающимся дрожащими от волнения и от январского мороза пальцами набрать твой номер телефона.

Я до сих пор помню те шесть заветных цифр.

Я до сих пор помню твой номер телефона в Шяуляе.

Если не увидеть, то хотя бы услышать твой голос. А я не могу. Мне хочется быть сильным.

Мне очень надо быть сильным сейчас.

Ну и будь.

Надоело.

Ты мужик вообще?

Кто-то должен быть без комплексов.

Всё, пока.

May 5, 2018

Оронов, я так привыкла к этому твоему «виртику». Это нечто вроде успокоительного. Приди, а?

Ну не дуйся.

May 20, 2018

Дурдом...

Он даже сюда не заходит...

June 5, 2018

Ты пропал куда-то...

June 15, 2018

От: Гарри Оронов

Элина, я был опять очень занят все эти дни. У тебя недавно был день рождения.

Прими мои поздравления.

Спасибо!

Спасибо что помнишь.

Надо же, помнишь!

Пожалуйста, не пропадай больше.

Элина,
Вообще-то «Одноклассники» подсказывают, когда у тебя день рождения.

Но я помню и без подсказки.

Это правда.

June 16, 2018

Ты здесь?

Опять пропал?

June 17, 2018

Оронов, к чему эти игры?

June 20, 2018

Гарри.

Я понимаю, что это всего-навсего не больше, чем флирт в интернете.

Я понимаю, что у тебя на меня много желчи.

И я понимаю, что ничем в реале это не закончится.

Доставь мне хоть удовольствие в виртуале.

Доставь удовольствие старой, подсевшей на ботоксную иглу бабе, здесь.

Пусть хоть в её снах, пусть здесь в «Одноклассниках» все будет чисто и идеально красиво.

Пусть она хоть на шестом десятке своих лет узнает, что хоть кто-то её любил вот так, как любят в сказке, как любят в кино, как любят в книжках.

Можешь сделать одолжение?

А!!!???

Элина.

Две недели назад я похоронил жену.

Рак поджелудочной.

Представляешь, они всё предсказали почти день в день. Ошиблись на три дня.

Мальчишки восприняли все это очень тяжело. Особенно младший. Хотя все всё знали, всё понимали. И мы, и она.

И врачи.

Они ошиблись на три дня.

Что!!!!!!???

Ой, Боже! Боже!

Прости меня!

Прости эгоистичную старую пошлую дуру.

Я что-то чувствовала, я знала, что что-то не так.

Прости меня.

Гарик, дай телефон, я позвоню тебе.

Ну пожалуйста!!!

Не надо. Не хочу рюмзать в телефонную трубку. Не хочу, чтобы ты слышала меня слабым. Мне ещё много надо сделать в жизни. У мальчиков есть теперь только я.

Давай свяжемся по скайпу.

У тебя же есть скайп?

Только мне ты должен помочь его наладить.

У меня с этим не очень.

Элина.

Тебе не понравится то, что ты увидишь по скайпу. Мои глаза пусты.

Вокруг них круги. Время и обстоятельства сделали своё дело.

На всех моих фотках, что здесь, мои глаза прищурены.

Так еще можно скрыть то, что внутри.

Поверь. Ты будешь избегать смотреть в мои глаза по скайпу.

Они пусты. Я не хочу, чтобы ты видела меня таким.

Когда это стало известно?

Ну, о её болезни.

В позапрошлом году.

Когда ты, так сказать, нашлась здесь, я уже занимался поиском хосписа.

Ты нашла меня в самый нужный мне момент.

В Кливленде вы были в специализированной клинике?

Да?

Да.

Да только похер все эти эксперименты.

Два лишних месяца мучений.

Гарри, я могу чем-то помочь тебе?

Я хочу как-то помочь тебе.

Ты уже помогла.

Ты даже не представляешь, как. Я не знаю, что чувствует безнадежный раковый больной. Возможно, при современной фармакологии не так уж и много чувствует.

Мне трудно тебе передать, что чувствовал я, все эти месяцы находясь рядом с ней. Мне не помогали ни транквилизаторы, ни психотерапевт, ни антидепрессанты.

Ты протащила меня через самый тяжелый период моей жизни. Приходя сюда, я отключался от всего этого, я забывался.

Ты была моим транквилизатором, моим психотерапевтом, и моим антидепрессантом.

Спасибо тебе за это!

Почему же ты мне ничего не сказал? Почему скрывал?

Если бы я сказал тебе, то скорее всего ты бы ограничилась парой стандартных утешительных банальных фраз и больше бы сюда не приходила.

Люди не любят посещать госпитали для раковых больных, хосписы и кладбища.

А ты была нужна мне. Мне нужно было что-то, что придавало бы мне силы.

Я ещё раз благодарю тебя.

Спасибо тебе огромное!

June 25, 2018

Гарик, ты здесь?

June 27, 2018

Гарик, ну зайди.
Ну пожалуйста.

June 29, 2018

Гарик, я вижу, что ты же заходил сюда.
Почему ты молчишь?

June 29, 2018

Оронов! Ты вообще-то понимаешь, что за этот почти год уже ты подсадил меня на свою слезливую иглу?

Ты понимаешь, что мне сейчас нужны твои, как ты выразился, «сентиментальные сопли»?

А?

July 4, 2018

Оронов!!! Что это?
Всё?
Что это означает?
Disconnect?

July 6, 2018

Гарри!!!
Я ещё раз перечитала всё это здесь.
Ну ты меня уж извини.

Значит, всё это время я была тебе нужна только в качестве поддержки?

Я была психотерапевтом?

Я была ТРАНКВИЛИЗАТОРОМ?

Я была АНТИДЕПРЕССАНТОМ?

И не более!!!???

Элина, ну не злись.
Я наверно злоупотребил немного этим. Ну мне было плохо.
Очень плохо. Сейчас как-то, ну не то чтобы лучше, но как-то я занимаюсь текущими делами.
Занимаюсь жизнью.

До этого целый год почти пришлось иметь дело со смертью. Это трудно было очень.

Значит после всего того, что ты мне не досказал тогда тридцать лет тому назад...

А потом вот с такой откровенностью выложил мне здесь.

Как я себя должна чувствовать при этом?

Как?

Скажи?

Я не знаю. Не задумывался, наверно, про эту часть. Прости.

Не задумывался он!!!

Ну так я тебе скажу!

Ты скотина!!!

Черствый старый ублюдок.

Нет... ты ублюдок в квадрате, в кубе даже.

Ненавижу!

Ненавидишь?

За что?

Как же ты не понимаешь!

Что во мне брезжила какая-то надежда.

Пусть нереальная, пусть какая-то нелепая, дурацкая.

Ну хоть бы дал возможность ну хоть взглянуть на тебя ещё раз в этой жизни.

Может, я что-то просмотрела тогда.

Неужели ты не понимаешь, сколько несбывшихся надежд было в моей жизни за эти годы?

В смысле попытаться «войти в эту реку» вторично? Так что ли говорят.

Но это невозможно.

Вода ушла...

Из того, что ты мне здесь писал, может, не совсем ушла?

Может, что-то осталось?

Может...

Ну так...

Слушай...

Знаешь, что я тебе хочу сказать. А где ты была тогда, когда я грыз подушки в своей вильнюсской квартире и бился лбом о стены.

Где?

Мне было очень плохо. И я на что-то надеялся. Во мне тоже брезжила какая-то надежда. Надежда дурацкая, нелепая и нереальная:

Я молился на дверной звонок. Я молился, чтобы ты пришла.

Пришла и сказала:

«Знаешь, я понимаю, что тебе плохо. И я пришла тебе помочь.
Как друг, как врач, в конце концов.
Я ничего не могу и не буду обещать, но сегодня я останусь здесь у тебя
до утра.
А завтра будет завтра.
Я посмотрю, куда мне идти завтра».
Знаешь, как я хотел этого?

И где ты была? Где ты, ёб твою мать, была...

Так что это я тебя ненавижу.
Больше. Гораздо больше. Чем ты меня.
Тебе меня не за что. Ненавидеть.

July 13, 2018

Элина, ты здесь?

July 14, 2018

Элина, ответь мне.

July 15, 2018

Элина.
Прости...
Ну не обижайся.

Я прочитал свою эту писанину.
Ой...
Хоть назад вырвать.
Ну, бред это какой-то...

Мы же два взрослых человека.

Ну не хочу я, чтобы от этого года и тебя и у меня остался в душе такой
неприятный осадок.

И я не хочу.
Тоже очень не хочу этого.

Ну так вот.

Как говорят у нас тут в Америке, слушай меня.

Я вроде как-то прихожу в себя.
Мальчики тоже вроде как-то.

Скажи, сколько дней отпуска ты можешь взять?

Гарри, ты серьёзно!!!???

Ты хочешь приехать?

Да.

Я серьёзно.

Да, только наоборот.

Смотри.

Я приглашаю тебя к себе.

Ты была в Америке?

Нет. Не была.

Я приглашаю тебя.

Все что тебе нужно – взять отпуск и купить билет. Всё остальное за мной.

Условий всего два:

1. Мы не будем говорить о наших «бывших» и «теперешних», хотя у меня, как сама понимаешь, сейчас никого нет.

2. Мы не будем предъявлять друг к другу никаких претензий и упрёков.

Отнесёмся к этому всего-навсего как к совместному отпуску.

Я покажу тебе Нью-Йорк, Филадельфию, Бостон. Канаду.

Ниагарский водопад. Пару национальных парков. Всё будет включено.

All Inclusive.

Как это у вас называется?

Аколь калюль

Ну вот,

Аколь калюль.

Всё включено будет. Трёхразовая еда, десерт, алкоголь.

Шампанское-пирожные.

Посещение экскурсий.

Всё включено.

Ваааще всё!?

А ты не изменилась.

Ну да всё равно, ну не пытайся ты быть пошлой.

Ваааще всё!!!

Впрочем... насиловать никто не будет.

Захочешь быть трезвой – будешь.

Соглашайся.

Как сказал не помню какой персонаж в каком-то кино: «Не предложение
замуж, всего-то прогулка по Америке».

Ой...

я должна подумать.

Подумай.

Но лучше долго не думай.

Вот смотри – на *UNITED* самые вроде дешевые билеты.

Клигни на эту строчку.

И дашь мне знать.

ОК?

Я ушёл.

July 17, 2018

Гарри!

Ты здесь?

Нету...

July 28, 2018

Гарри?

Да.

Ты здесь?

Да.

Да, здесь.

Ой... мама...

Гарри.

Я купила билет.

И?

Чего и..?

Какие даты?

Мне ж нужно свои дела подстроить под это.

Тьфу ты, дура,

10-го августа Тель-Авив – *Newark*.

31-го утром назад.

10-го августа в 17.00 прибытие.

ОК.

Чего ОК..?

Гарри... я боюсь...

Чего?

Чего ты боишься?

Ну всё-таки, слушай, тридцать лет-то прошло.

И я не та, ну не та стебанутая девочка...

Взяла поехала втайне от родителей в Ереван, взяла поехала за приключениями в Клайпеду.

Как-то это всё стрёмно...

Элина, да ты чего???

Я гарантирую тебе твою безопасность.

От терминала прибытия до терминала отправления.

Как говорит наш президент:

«100 %»

Гарри, а ты вообще реально существуешь? Я себя после покупки билетов поймала на мысли, что это, может, какие-то жулики в интернете меня разыгрывают, используя твой аккаунт в «Одноклассниках».

Встретит меня там по прилёте какой-нибудь ковбой, заграбастает, и буду я у него секс-рабыня.

А?

Потом придушат.

Гарри, давай хоть по телефону, до того как я сяду в самолёт, поговорим.

Элина.

Давай без телефона. Я боюсь испортить что-то этим разговором.

Тут, в виде писанины в «Одноклассниках» что-то вроде получается. Или мне так хочется видеть, что получается?

А разговоры по телефону...

Были у меня с тобой долгие телефонные разговоры тогда давно... И чем всё закончилось...

Не бойся.

Встретит тебя твой седовласый ковбой с букетом цветов в аэропорту имени Американской Свободы через две недели.

И он тоже очень боится.

Да и бояться-то осталось всего-то.

Две недели.

Ладно.

Расскажи лучше, что там будет у вас по погоде.

Что мне с собой взять?

По погоде будет то же, что и у вас.

Жарко, может быть, очень даже. Так что не заморачивайся, возьми то, в чем будет удобно. Возьми что-нибудь, чтобы пойти в театр. Что-нибудь, чтобы в кондиционированном помещении на себя набросить можно было. Купальники возьми. На пляж ведь ходить будем тоже.

Ой, мама... пляж...

Блять, купальники-шмупальники...

August 9, 2018

Гарри, я еду в аэропорт.

Ты спишь уже?

Нет. Ждал сообщения от тебя. Сейчас пойду. Постарайся поспать в самолёте тоже.

Постараюсь...

* * *

Постараться поспать...

Сны, в отличие от кинофильма жизни, где мы всё время пытаемся превзойти собственные ожидания, а ближе к концу понимаем, что результат в большинстве случаев противоположный, не имеют чётко очерченного результата. Как правило, мы их не досматриваем до конца, а в следующий раз сны уже про другое. Сны, в отличие от интернетного пространства, куда мы, как правило, выставляем улучшенную версию себя, не поддаются руководству. Они приходят сами, не спрашивая тебя, хочешь ли ты их смотреть, или про предмет, который будет там показан, или ты предпочёл бы их давно уже не смотреть. Особенно, про определенные предметы. И сны могут не приходить, как бы сильно и отчаянно ты их ни звал.

Допив бокал красного вина, он снял очки. Делая глубокий выдох, он погасил окошко в прошлое:

«Семнадцать ноль-ноль. Завтра. Стучать по клавишам было проще, чем принимать у себя визитёршу из пережитого. Особенно такую...»

...«Зачем тебе это надо? – снова и снова он задавал себе этот вопрос. – Что ты ждёшь от этой встречи? Её дочь сейчас на пятюк лет старше той девочки, которой ты лепетал слова любви у подъезда в Шяуляй. Увидеть женщину средних лет с отвисшим бюстом, перезрелым целлюлитным задом, физиономией, которую она наштукатурит специально для этой встречи, и понять, что той яркой искромётной бестии, от которой замирало сердце и терялся дар речи, больше нет в природе? Что она осталась навсегда там, куда нет возврата, куда ещё не изобрели дорог?»

Его рука опять навязчиво потянулась к рядом лежащему ноутбуку.

А почему бы и нет? – курсор мышки опять заскользил по фотографии на экране. – Избавиться через тридцать лет от этого наваждения, расставить все точки над *i* и положить конец назойливым снам, которые посещали меня все эти годы с рецидивистской настойчивостью, не спрашивая моего желания, и, прожить оставшиеся теоретические тридцать лет в спокойствии?

Устроить свою личную жизнь с подходящей кандидат-шей и не мучиться?»

На похоронах вдова доктора Лисичанского задержала его руку в своей долгие, чем другие утешители:

– Гарик, держись... – звонила пару дней тому назад:

– Гарик, ну как ты?

– Как я? Да так, как-то... где-то... между подъездом и видом из окна.

– Чего?

...«Вдова доктора Лисичанского... она не вылезает из спортзала и салонов красоты, и в свои сорок шесть выглядит на тридцать пять. Благо мистер Лисичанский позаботился о ней, уходя туда, откуда тоже нет возврата. Ей не надо думать, как заработать на хлеб насущный. Чем не кандидатша? Вместо того чтобы пригласить её в кафе, ты провел эти две недели в магазинах, делая закупки? Ты хоть понимаешь, что такие вдовы так просто не звонят? За последний год ты чаще всего терял грань, где сон, а где реальность.

Зачем, зачем ты это делаешь? О каких чувствах можно говорить спустя десятилетия? Зачем ты устраиваешь весь этот Аколь калюль? Почему ты так не хочешь оплошать перед ней со своим “всё включено”? Не устал думать, что ещё положить на эту *All Included* скатерть-самобранку? Хочешь выглядеть порядочным в её глазах, что раз морочил ей голову весь этот год, то уж нужно довести всё до конца? А она, тогда в Литве, вела себя порядочно, играясь с тобой девять месяцев как кошка с мышью? Ты решил поиграть теперь уже со взрослой тёткой в игру “доверие”? Или это переоценка по новой идеала молодости? Зачем тебе эта попытка разговора с прошлым? Над тобой всё ещё доминирует непреодолимое желание пробить пелену лет и всё-таки прикоснуться к ней? Даже в такой ипостаси, как она сейчас?

Ты решил, что теперь, спустя столько лет, отыскав остатки порядочности в сундуке своего обшарпанного багажа, она будет играть с тобой честно? Ведь тогда, ещё до наступления проклятого тобой 1988-го года, она уже решила, что ей нужен другой, не ты. Но продолжала морочить тебе голову ещё чуть ли не полгода. Раскатал губу... портреты маслом. Ей, может, и через тридцать лет насрать на твой сентиментальный бред.

Что это? Любовь, которую ты пронёс через всю жизнь, или обида, нанесённая отказом тридцать лет назад? Что говорит сейчас в тебе? Жажда реванша? Бессмертные надежды? Ревность? Ненависть? Красное вино?

Спутница жизни и хранительница очага, она одобрит там, сверху, твою прыть? – Открыв прикроватную тумбочку, он долго смотрел на оставленные в память о ней очки – Может, по этическим нормам, мог бы подождать годик? Чьим этическим нормам? Её? Вдовы доктора Лисичанского? Своим собственным нормам, которые не нарушил ни разу после того, как вручил матери сыновей своих всё то, что предназначалось ей?

Подождать бы хорошо, а она там, на Земле Обетованной ждать согласна? Знать бы заранее ответ на всё это. . . . Ну что, ковбой, иди спать. Программу наметил обширную. *All Included*. . . . Скатерть-самобранка. Все включено. Аколь калюль. . . .»

После двух без выходных лет борьбы с её жутким раковым кошмаром, почва для бессоницы стала пересыхать довольно скоро после похорон. Он вернулся к своему обычному безопасному снотворному – получасовым телепередачам о выборе недвижимости в разных частях Америки. К двадцатой минуте просмотра рука либо дотягивалась до пульта, и последним вечерним усилием нажимала на кнопку, либо утром, первое что видели его глаза, был всё тот же канал «Домоводство». Выбор квартир и домов на экране сегодня упорно отказывался выдать ему желанный результат.

Недвижимость была уже выбрана три раза; в Аризоне. . . . во Флориде. . . . на Карибах. . . . Сон упрямо не хотел слышать его безнадёжный клич.

Он спустился вниз на кухню. . . . Он прибежал к этому только в крайних случаях. Когда уж совсем было плохо, сон отказывался подходить к кровати, а завтрашнее утро требовало во что бы то ни стало нести жизненный груз на своих плечах. Этот метод ему вручил психотерапевт, которого он посещал во время её болезни:

– Забудь всё о чём мы говорили здесь. Выпей немного водки. Подожди минут пять и, потом. . . . вот эту таблетку. И главное старайся. . . . ни о чём не думать. . . .

Выловив из морозных недр первый компонент забвения, он прошёл в гостиную и подсел к ней к чайному столу. Большое фото, выставленное год назад по её просьбе в «Одноклассниках», смотрело на него из-под слабой защиты тонкого стекла. Пробивая линзы её очков, его глаза брали патент на машину времени.

Пальцы долго отрешенно крутили между собой обнадеживающий белый кругляшок. Холодная влага от запотевшей четвертинки на ладонях противно отбрасывала опять назад, в реальный мир. Поднявшись наверх в спальню, он свернул пробку с плоской бутылочки. . . .

August 10, 2018

Аэропорт Ньюарк Зона прибытия международных рейсов

Он стоял, прислонившись плечом к киоску сувениров и держал в руках букет цветов. Шипы свежесрезанных роз больно кололи руки; один укол всё ещё продолжал немного кровоточить.

...«Да перестань ты так волноваться, – бубнил он мысленно заученную с утра мантру, – ...В конце-то концов, сколько тебе лет, что за бред, что с тобой?»

Нервное пережевывание жвачки помогало ему лишь отчасти.

...«Выплюнешь, когда появятся первые пассажиры, первые прибывшие в проёме выхода», – говорил он себе.

Перевод взгляда с табло на этот проём, назад с проёма на табло выдавал окружающим всю нервозность ситуации.

...«Впрочем, а кто за мной сейчас наблюдает, – повторял он? ...Успокойся»...

Первые, как обычно, инвалиды в колясках. Американская бабушка с кислородными трубками в носу. Её муж с чемоданчиком на колёсах рядом. Несколько религиозных пар с кучей детишек. Стая израильских студентов по обмену.

...«Что это был за боинг? Сколько в нём пассажиров? Забыл посмотреть дома. И..? Нет, не она. А вот эта там вдали? Нет...

На рейсах из Израиля всегда много брюнеток. Дыши глубже», – опять повторил он в своём сознании, пытаясь следовать собственному совету.

...«Бред какой-то... Возьми себя в руки, мальчик из прошлого... Сколько ещё ждать?»

Нервно втянув в себя воздух, он поправил воротник рубашки. Тупо уставил взгляд в пол, копошась в каких-то своих, таких далёких мыслях. Снова посмотрел в проём выхода прибывших... и такой знакомый холод по спине ударил в мозг пульсирующим, поглощающим всё внутри порывом.

...«Что?! Совсем ничего не изменилось во мне в восприятии её за!.. Зачем они так тщательно натёрли здесь полы!?»

Сгусток бешеных к ней чувств вынырнул из пыточной камеры воспоминаний, отчаянно глотая воздух, который он пытался не пускать туда столько долгих лет. Приближаясь неотвратимо, она катила чемодан уже метрах в десяти, не давая его оторопи уронить цветы на пол.

Всё та же походка, те же глаза, и тот же жест указательного пальца правой руки, поправляющего очки на переносице, когда их не надо поправлять. Жест, чтобы скрыть волнение и неуверенность в себе. Тридцать лет, разделяющие их во времени, растворились в торопливом аллегро каблучков не совсем удобных туфель:

– Ну, здравствуй!

– Здравствуй!

– Оронов, ты вроде тогда повыше был.

– А ты вроде не носила таких каблучков тогда. Это тебе, – он сунул ей в руки букет роз.

Приложив свою щеку к её лицу и вдохнув запах духов за ухом, он каким-то импульсивным, бесконтрольным движением стащил с неё очки и впился в её губы, не оставляя ни ей, ни себе места для маневра.

– Ого!! Оронов, да ты делаешь успехи!!!

Он улыбнулся, втянув влагу в носу с усмешкой. Хохотнув нервозным смешком, она оставила ещё один влажный дежурный след на его щеке:

– Псс.

– Это все вещи?

– Все, ты же сказал, что всё остальное будет включено! – Такие знакомые ему взгляд и улыбка уже начали творить с ним такие не понятные ему с ней чудеса. Он был снова в своем сакральном месте – между подъездом и видом, из того самого, которое он так и не смог забыть, окна:

– Пошли...

* * *

– Жарко тут у вас.

– Как и у вас.

– Я бы сказала, даже как-то жарче, влажность больше. Ещё пять минут такой погоды, и вся одежда прилипнет к телу.

– Уже меньше, чем пять. Вот, садись. Я включу кондиционер.

Скосив взгляд на серебряный треугольник на капоте и на руле, она хлопнула тяжелой дверью. Казня себя за неумение найти нужные слова, он прибег к заезженному трафарету:

– Ой, фуу, ну и жара... Сейчас, Элла. Дай отдышаться. Слишком много эмоций. Сейчас, дай мне пять минут.

Он взял её руку, мягко погладил, потом сжал чуть крепче и, посмотрел в её глаза.

...«Почему я не в силах остановить себя?»

Слезы потекли как-то сами, непрерывным потоком, рыдания сотрясали его плечи. В них было всё. Весь последний год его жизни, и посещения хосписа, и сны, которые он видел на протяжении тридцати лет, просыпаясь после них с улыбкой. И похороны, и боль утраты той, которая ни в чем уж точно не виновата и которая была в неведении об этих снах. И боль об

осиротевших сыновьях, и усталость ожидания весь день сегодня, и желание быть на уровне, не ударить лицом в грязь.

Осознание собственной беспомощности забирало и без того зыбкую почву под его ногами. Всё смешалось общей бесконтрольной лавиной в этих слезах:

– Ой, фу, фу ты. – Он пытался остановить себя и не мог.

– *Oh, fuck!* Мне же вести машину надо. Подожди, я не знаю, что со мной, – пытаюсь остановиться, он плакал от этого ещё больше.

Внезапно ей передалось его состояние, и она расплакалась тоже. Как плачут на похоронах или как плачут на трибуне, когда твоё чадо вдруг выиграло Уимблдон:

– Гарик, ну не надо. Остановись. Я же здесь, я приехала...

Она гладила его по голове, оставляя на его рубашке жирные пятна туши, которую так тщательно накладывала в самолёте:

– Ну давай успокоимся. Ну прости меня.

– Да за что!? Мне же не за что прощать тебя...

* * *

– Ну ты в порядке?

– Да. Мсс... – сказал он, втягивая в себя остатки влаги в носу.

– Мсс... Сейчас поедem.

– Я испортила твою рубашку и ... весь макияж, над которым так трудилась.

– Ничего, – сказал он выдыхая,

– Рубашку сменю. А макияж... У тебя есть час как минимум, а, может, и больше. Пробки на дорогах. Занимайся. Вот... отогни это зеркало, я не буду смотреть, – он включил музыку.

Она была благодарна ему за то, что он дал ей возможность побыть одной:

– Хмм... займусь...

* * *

Он не выполнил обещания. Это было выше его сил. При каждом удобном случае, делая вид, что полностью поглощён перегруженной дорогой, он посматривал на преобразование картинки в зеркале. Его разум втянул его в причудливую игру.

Убирая волосы из зоны предстоящей раскраски и загибая их за немного больше, чем у других, оттопыренные уши, она подняла руки вверх. Лёгкая кофточка покрывала их до кистей. Он понимал, что выбор блузки с длинным рукавом, вопреки жаре, был сознателен. Этим она пыталась скрыть проблемные места, столь характерные для женщин её возраста.

Его фантазия магическим образом отсекала тридцать лет проделок времени, отказываясь замечать возрастные перемены. Воображение мысленно доставало из памяти её тогдашние руки и вставляло их внутрь рукавов. Приобретённый второй подбородок, делающий её столь похожей на мать, которая была тогда лет на пять моложе его необыкновенной пассажирки, был прибран скальпелем. Едва заметные точки от процедуры не попадали в маленький кусочек волшебного стекла. Воспоминания дорисовали её шею, так и не испытавшую затаённую страсть его вождельных поцелуев, стольких его сомнений и всех его надежд.

Она сняла очки. Половина жизненной грязи, щитом от которой у него не получилось стать, уже были на его рубашке. Когда мокрые салфетки довершили уборку, гондола его машины времени мгновенно перенесла его в Литву. Игнорируя неподвластную ботоксу глубокую косую морщину посередине её лба, его сознание видело в зеркале лишь копию проекции на холст негатива её фотографии первого из созданных им портретов. Её натренированные, такие знакомые до боли, руки ловко шерудили в косметичке в поисках нужного мазка. Они вторили движениям кисти в анналах его памяти.

...«Вот сейчас этот оттенок ляжет на подглазные щёчки, столь отличающие её лицо от других женских лиц, и они порозовеют. Они больше, чем в то время, и немного асимметричны от неумелости мастера со шприцем с токсином?

Нет... это всего лишь кривизна зеркал»...

Память не успевала за проворностью таких знакомых пальцев.

...«Сколько занял поиск нужного цвета у меня тогда?»

Выдвинув голову вперёд, она широко приоткрыла круглые глаза.

...«Сейчас она позаботится об их “окружении”, и мне снова будет хотеться утонуть в них».

Эта часть портрета удалась ему тогда легко и быстро. Гораздо тяжелее было потом тонуть в предмете своего труда. Его сознание настырно не замечало морщины в деликатной зоне.

...«Она, наверное, просто плохо перенесла долгий перелёт?»

Непреднамеренный эффект её «замороженного» лица таял в его нежелании расстаться с прошлым.

Нешадным, безапелляционным тоном навигатор стал командовать перестроения. Он был вынужден полностью сосредоточиться на дороге. Закончив манёвр, он опять скосил свой взгляд вправо. Портрет, который он готовил к её дню рождения, отражался сейчас в зеркале его машины. Мягкая, домашняя и беззащитная, она сидела рядом на пассажирском сидении. Её вторые глазки лежали в трёх сантиметрах от его локтя.

...«Ну что ж, на следующие три недели твой дом – это её дом. Ты гарантировал ей безопасность от ворот, где ты только что её встретил, и до них же, когда ты доведёшь её назад».

Она взяла очки и водрузила их на переносицу. Воспоминания тут же перенесли его к мольберту второго, впитавшего всю его боль, портрета. Горький фетиш его потери, который почти четыре года висел на стене холостяцкого пристанища, и счастливый талисман моряка российского флота, на котором она прятала свою душу за линзами очков, получился у него удивительным.

Это заняло невообразимо много времени и кучу испорченного холста. Но сходство с оригиналом поражало воображение. Его змея, вонзившая своё смертельное жало в его сердце. Его удав, превращавший его в кролика у её подъезда и, в конце концов, проглотивший его с потрохами сомнений и надежд. Пару мазков губной помадой, и на сидении рядом опять сидела его милая, чёрная змейка.

Руки кролика неожиданно вспотели от реальности всплывшей в памяти картины. Пытаясь спрятать от неё тревогу, он увлечённо ухватился за спасительную болтовню, рассказывая о мелькающих за окном элементах американского пейзажа.

Уповая на вечернюю перегруженность дорог, желая хоть ещё чуть-чуть отдалить час с ней дебюта, он видел, что сегодня трафик, вопреки обычному, не будет милосерден. Через полчаса машина вырулила на въезд к обезлюдевшему овдовевшему жилью. К этой минуте чёрная Божественная кобра уже основательно обосновалась на высоком пьедестале, до которого он будет пытаться дотянуться рукой остаток лета.

...«Адская задача. Неужели, три долгих десятилетия моей жизни не изменили во мне ровно ничего?»

* * *

– Ничего себе, ковбой! На сколько коней тут у тебя гараж?

Он заглушил мотор и пожалел об этом.

...«Зачем..? Он так хорошо маскировал волнение в моём дыхании».

Взяв её за руку, он помог ей отстегнуть ремень. Его глаза вложили просьбу в каждое слово его любви:

– Элина... Я... Я не решался назвать тебе в «Одноклассниках» третье условие нашего Аколь калюль. Я не хотел что-то испортить... Твой ковбой очень боится, будь милосердна к нему...

Но, давай договоримся, если тебе что-то не так... Ты говоришь ему об этом сразу... Сразу... Даже если это будет... Ххх... вези меня Оронов, в аэропорт... Мне будет трудно войти в свой дом, если ты его не примешь.

Порывшись в сундуке жизненного багажа, она не до конца понимала, куда положить смысл услышанного. Её потупленный взгляд выдавил из её губ всего одно, говорящее об этом слово:

– Принято... – скрещенные на груди руки больно ощупывали содержимое обоих рукавов. Глаза остановились на полпути ко всё ещё отложенному зеркалу. Губы выкурили еле слышно:

– А если... ему что-то... не так...

Он в это время уже доставал из багажника её чемодан...

* * *

– Ну, проходи.

– Ну... прохожу. Ого! Хоромы.

– Да ладно.

– И *мазган*¹ есть?

– ???Чего?

– Ой, извини, иврит влез. Кондиционер.

– Ааа... ну, да, есть. Центральный; летом он всё время работает.

– А где мальчики?

– Поджаривают свою шкуру во Флориде. Гёрлфренд старшего оттуда. Я и не возражаю. Пусть отдохнут перед учёбой. После всего, что они пережили. Я думал, будет хуже.

– Ой, ноги отекли от этих туфель.

– Да уж, они явно не для долгих перелётов. Почему ты не надела что-нибудь более удобное?

– Удобство – это последнее, о чём я думала. Хотелось произвести впечатление. Получилось?

Её взгляд, как и в ту, былую пору, творил в его душе необъяснимую метаморфозу. Он робко кивнул головой, ненавидя себя за нелепое замешательство, которое уже начало висеть в воздухе. Два, уже совсем не молодых человека, смотрели друг на друга и не знали, что делать дальше. Тридцать лет он презирал себя за свою литовскую нерешительность:

– Ладно, пойдём покажу тебе твою спальню. Дай-ка свой чемодан, пойдём наверх.

Она молча подчинилась, проследовав за ним.

– Вот здесь, ты будешь тут спать. Чемодан куда лучше?

– Всё равно. Оставь на полу.

Зависшее в пространстве сомнение продолжало разрастаться в размере. Дюжина ступенек между этажами только усилила его растерянность. Превозмогая себя, чувствуя повышенный пульс, он глубоко вдохнул и, стараясь не прогнуться под её взглядом, выдал не своим голосом:

---

¹ Кондиционер (*иврит*).

– Ну что, Аколь калюль, всё включено? Понимая, что обговоренное ими ещё в чате «Одноклассников» и только что у входа в дом, должно произойти сейчас, она потупила глаза, не зная, как сказать ему о нужных ей, после долгого полёта, нескольких минутах:

– Я... Подожди, мне...

– Душ там, – глазами пытаюсь убрать вульгарность из только что сказанного и, отчаянно пытаюсь не упустить набранные обороты, он кивнул на дверь. В благодарность ему за простоту решения, бросив сумку на пол, она ринулась в проём и исчезла за дверью ванной комнаты...

* * *

Он стоял, прислонив лоб к двери, и слушал мерный шум стекающей воды.

...«Что же ты так дрожишь, – спрашивал он себя? – Ты же умеешь это делать. Сколько было у тебя за восемь лет, когда она прогнала тебя в душную прибалтийскую ночь, и пока появилась та, которая, быть может, наблюдает сейчас за всем этим из поднебесья?»

Она стояла в душевой кабинке тщательно прикрывая от напора воды глаза.

...«Только б не размывать бы...»

Поворачиваясь под струёй, она увидела огромное, во всю стену зеркало. Тягость долгого полёта смешивалась в нём с безотрадным пониманием необратимости времени.

...«Когда в последний раз я видела во весь рост своё нагое отражение?»

Отведя потухший взгляд и заворачиваясь в махровое полотенце, она остановилась возле двери, не решаясь нажать на ручку. Такое же чувство владело ею две недели назад перед последним покупочным кликом на мышку, на портале *UNITED*. Чтобы выиграть ещё несколько мгновений для сбора ошмётков смелости в кулак, она вернулась к зеркалу.

Пары горячей воды, поняв деликатность момента, уже вступили в спасительный сговор с холодным кондиционированным воздухом. В благодарность им, переводя дыхание, она оставила на полностью запотевшем стекле две длинные кривые линии и шагнула к двери...

* * *

– Волнуетесь ли вы перед первой встречей? Слегка... Ну, ковбой, ты доволен? – она лежала на его груди, переваривая суть содеянного.

– Нет. Я хочу, чтобы это было.

– А что было только что?

– Это было у меня. Я хочу, чтобы у тебя тоже.

– Откуда ты знаешь? Нелепый вопрос... Это может сразу и не быть, или не быть вообще. Тебя не пугает такая перспектива?

Он промолчал, поворотом головы пряча от неё печаль суженных неподвижных глаз. Его амурной практики более чем хватало понимать, что если она сейчас уснёт, то весь их Аколь превратится в вежливое ожидание обратного полёта.

...«Что же мешает мне быть с ней самим собой?»

Неожиданно для неё, он разнял её скрещенные руки, которыми она прикрывала две низкопосаженные слутые игрушки и, приподнял её над собой. Это уж совсем не входило в её хрестоматийный план. Стыдливое замешательство быстро смешивалось с пониманием, что мальчика, за которым она закрыла тогда дверь в своей квартире, нету уже много лет:

– Гарик! Не смотри. Ну не смотри... Они не такие, которые нравятся мужчинам... Ну не смотри, пожалуйста. Ой... И вот здесь видишь, гораздо больше кило, чем хотелось бы. Гарик... тс... ммм...

Его сознание выговаривало с жестокой прямоотой расстаться с тридцатилетним наваждением, но разрывающая душу ностальгия не давала исчезнуть образам с портретов. Подчиняясь её воле, он лаконично прикоснулся губами к предметам стеснения и опять прижал к себе. Поцеловав в пахнувший гримёрной пудрой лоб, он стал осторожно вызывать ответ её век, суженных возрастом и усталостью от полёта.

– Гарик... милый, ну не надо. Я устала... от перелёта... Ой... Ну не надо. Не надо...

* * *

– Оронов, я тебя сейчас ненавижу, – прошептала она тихо, безнадежно пытаясь не соскользнуть со свежего гололёда неразгаданных эмоций в тайный опьяняющий обморок.

– За что?

– За то, что ты...

У него не было выбора, кроме как последовать за ней...

August 11, 2018

Плезантвилль. Штат Нью-Йорк

– Алло? Алло? – он среагировал на незнакомую трель, оборвавшую летаргию забытья.
«... Черт, как его включать...»

– Элина... Элина, проснись, *wake up!*² Твой телефон звонит, не переставая, я не знаю, как его включить. Там полно сообщений. Ты своим-то, в Израиль, позвонила после посадки?

– Да, я послала эсэмэску дочке.

– И всё? Они знают вообще, куда и к кому ты поехала?

– Нет, я не хотела вдаваться в объяснения.

– Ну, ты даешь! Я думал, что ты умнее. Как же так можно? Бери, звони им сейчас.

– У тебя вообще обо мне было и есть завышенное мнение. В этом проблема. Ой... они знают, что первое, что оказывается у меня в руках утром – это смартфон; дай сюда. Она набросила на себя включённый им в Аколь калюль халат и, выходя в коридор, начала стучать указательным пальцем по экранчику. Её голос был немного другим, чем тогда в Литве. Что-то отсутствовало в нём, и вместе с этим какая-то новая интонация, новые нотки делали его приятным на какой-то добавочный манер. Разговор вёлся на русском, с жирными вставками на иврите.

Возрождённый язык их далёких предков, из которого он понимал лишь два десятка слов, звучал величавым гимном в её устах, хотя это был обычный бытовой трёп. Его мозг выделял лишь отдельные фрагменты разговора...

«“Сими лев” – даёт кому-то указание? “Сим Лев” – “обрати внимание”, или дословно – “положи сердце”; почувствуй сердцем».

На мгновение он вдруг поймал себя на слабо очерченной мысли, как было бы, если бы она позволила тогда оставить его сердце там, где он выложил его тридцать лет тому назад?

...«Мы бы уехали вместе в Израиль? Я тоже мог бы говорить на этом языке? ...Мало ли чего ещё могло бы быть, если бы...»

Его тянуло назад в сон, мутность изнурённого прошлой ночью сознания не подпускала его к лакомству ностальгических иллюзий. Доносящийся из коридора сленг русской израильтянки входил в его уши Божественной литургией, смешивался в голове с запахами духов на соседней подушке.

Ангелы наслаждения прикрыли своими крыльями его веки и уволокли назад, откуда пять минут до того он был вытянут звонком её телефона.

Закончив разговор, она направилась к нему в спальню:

– Оронов, ты... – посмотрев на кровать, она остановилась у входа и запнулась на полуслове. Пытаясь сделать каждый свой шаг неслышным, она прокралась в ванную, взяла там оставленную косметичку и также неслышно, удалилась в коридор.

---

² Проснись! (английский).

Отрывать человека от просмотра предмета, показанного во сне, когда у спящего такое счастливое выражение лица, было бы верхом кощунства. Спать ей не хотелось. Может, ещё не ощутила разницы во времени? В Израиле день давно уже перевалил за полдень...

* * *

– Проснулся?

– Вроде. Ты давно не спишь?

– Какое-то время. Наблюдала за тобой. Ты чему-то улыбался во сне. Что-то снилось?

– Хм... Да. Я иногда вижу такой вот странный и непонятный сон. Ты и твоя мама. Вы едете с пересадкой в Вильнюсе в какой-то другой город. Но билеты у вас только до Вильнюса.

Я по роду своей работы помог вам с билетами дальше, в тот другой город и обратно. А кассир говорит мне – что ты делаешь? Ты не должен помогать ей с этими билетами. Она встретит там высокого мужчину, который потом станет её мужем вместо тебя. Но я её не слушаю. И на вильнюсском перроне отдаю билеты вам. Вы садитесь в вагон...

– ??? Что!? Какой другой город? – Округлив от неожиданности глаза, она пыталась вникнуть в суть услышанного. Как-кой... вы-со-кий мужчина? Когда!?

– Элина, откуда мне знать, это сон. Но я вот так его вижу иногда. Бред, да? Ладно... забудь. Кормить?

– Да... Я... – у неё не получалось отпустить обрывки памяти назад в Литву.

– ... Элина?

– А, да... Что? А да, очень. Чем меня будут тут кормить? Ммм?

– Ну, я стряпал вчера, чтобы время до аэропорта как-то шло скорее, но в основном всё готовое – кулинария из русского магазина. Спускайся вниз.

– А в постель? Аколь калюль разве не предусматривает в постель?

– Это в пятизвёздочном.

– А у тебя какой?

– Не знаю пока. Книга жалоб и предложений в гостиной на чайном столике. Спускайся на кухню вниз. Я быстро в душ и присоединюсь...

* * *

Наперекор урчанию в животе, она решила не хозяйничать и подождать его. Взгляд неожиданно упёрся в фото на чайном столике в чёрной морёной рамке и чёрной полоской в уголке.

Она сделала к ней несколько робких, нерешительных шагов. Руки инстинктивно сами поднялись к обильно покрытому тональником лбу. Пройдясь по щекам, пальцы провели линию

между десять дней назад поправленных тонкой иголкой губ. Пытаясь пробить глазами линзы двух пар очков, она не заметила, когда он положил ей на плечи свои ладони:

– ... Элина, пойдём... Пойдём на кухню...

* * *

– Ну? Полегчало? Ещё кофе?

– Оййй, фууу... хватит! Нормально... Пять звёздочек! И... вааще... Хммм...

...«Взгляд из-под очков такой же, как он был вчера... и, такой же, как он был тридцать лет назад. Или... я...»

– ...Элина, да не смотри ты так.

– Как?

...«Почему мне так нелегко с ней?»

– Ну... Это было не совсем, как я себе всю жизнь представлял.

Ххх... Ну-с... вааще... Как-то форсированно что ли, у меня получилось. Не знаю, как и сказать... Что-то среднее между изнасилованием и медицинской процедурой. Не смотри так и... без обид. Хорошо?

– ... Ааааа...

– Ну... во всяком случае, ты видишь, что ты в безопасности здесь. Ковбой, хоть и изрядно поседел за тридцать лет, но он не сошёл с ума. Тебя тут не придушат, и ты не станешь секс-рабыней. Но самое главное, я хочу, чтобы ты чувствовала душевную безопасность, тебе должно быть комфортно морально; это твой отпуск, твой Аколь калюль и моя скатерть-самобранка. Возьми всё, что в него включено и, всё что на ней... ну, вернее, только то, что хочешь взять из того, что там есть. И без обид, если чего-то там нет. Хорошо?

– Хмм... – загадочно улыбнувшись, она прикрыла глаза за линзами очков.

«... И опять как тогда...»

– Хочешь леденцы? – опять теряясь в своей неумелости, он нелепо протянул ей монпансье в красной жестянке.

– Ой... слиплось, – с трудом отщипнув кусочек от склеенного кругляшка, она закрыла коробочку, – На, возьми, я не люблю это.

– Да, их давно никто не открывал, – он вдруг вспомнил, как давно врачи запретили сахар и всё остальное его жене. – Ладно, заканчиваем кулинарную разминку. Готова смотреть Америку?

– Па-чти. Слушай, а что там? – она указала на дверь, ведущую на веранду.

– Балкон. Дек по-нашему.

– Можно мне туда?

– Конечно. Я пока посуду поставлю в мойку.

Заканчивая возню в кухонной раковине, он почувствовал запах дыма сигарет со двора. Взяв пустую кофейную чашку, он вышел к ней:

– На, возьми; вместо пепельницы.

– А ты? – она чувствовала себя немного не в своей тарелке.

– Ты нет?

Вспоминая о чём-то своём, он опять посмотрел ей в глаза:

– ... Нет... Я нет...

* * *

В их первый выход в ресторан она не изменила и своим кулинарным вкусам:

– Что ты так смотришь? Как израильтянка расправляется с некошерным мясом?

– Нет, просто вспомнил, что ты ела тогда, в кафе, возле твоего дома в наш первый раз. Впрочем, там выбор был меньше, чем здесь.

– Лучшее место для первого свидания – кафе? Оронов, ты ненормальный. Как ты это можешь помнить?... А ты не ешь свинину? Ты стал религиозным за эти годы?

– Нет, все эти годы мне было как-то не до этого. Но свинину я не ем. Видишь ли, мой вид без рубашки, который так тебя удивил, он не сам по себе. Это требует усилий, ну и диета в том числе; только и всего... А ты совсем не помнишь то кафе возле твоего дома, где мы сидели с тобой первый раз? Ладно, можешь не отвечать. Я вижу по глазам, что нет... О чём ты думаешь?

Постельный кегельбан раскрепостил её. Как и тогда, тридцать лет назад, она начала опускать на него свой стопудовый пресс:

– Знаешь, я показала нескольким надёжным подругам твои фотки, они все в восторге, все мне завидуют. Как и тогда, у него не получалось подобрать нужные ноты к партитуре её флирта:

– Оу, что ж, передай им, что тридцать первого ты летишь назад. Наступит сентябрь. Он свободен пока, октябрь тоже не забит никем – сказал он с грустной улыбкой, думая, как бы совсем не оплошать с ней в словесном фехтовании.

– Что?!?! Нахалюга!

– Элина, извини, я... я не об этом думал. Я...

– А о чём ты думал, маленький гигант большого секса?

...«Вот так с ней, как и тридцать лет назад. Я сотрясаю воздух притворной фальшивой болтовнёй, боюсь ошибиться, постоянно под прессом. Не знаю, что ей говорить, а где лучше промолчать, где встать перед нею на колени»:

– О шахматах я думал. – сказал он виновато, – Три пешки за слона, и слон и две пешки за ладью.

– Чего?

– Ну, в шахматах три пешки – это примерно как один слон или конь по убойной силе.

– Я не играю в шахматы, поясни мысль.

Он сделал два глотка из стакана с минералкой и, ненавидя себя за собственную с ней беспомощность, проронил сумрачно с убитым видом:

– Элина, а можно сложить восторги всех твоих подруг и променять их на намёки благоклонности одной конкретной женщины? – Как и тогда, в Литве, ей было несподручно иметь с этим дело в день признания:

– Оронов, ты слишком серьёзен. Был тогда, и есть сейчас. Это давит. – Она допила свой бокал вина из принесённой им в ресторан бутылки.

– Ммм... что это за вино, вкусное, зараза. Где ты покупал, ты разбираешься?

Он молчал, вспоминая, сколько бутылок вина он запортил, готовясь к её приезду, пока остановился на этом. Как и тогда, после откровения у подъезда в Шяуляе, он зарёкся больше

не заикаться ей о своей любви. Впрочем, в чате «Одноклассников» он довольно скоро не смог сдержать себя.

...«Ничего, кинофильм жизни пролетит мгновенно.

Мне лишь надо уберечься от этого во сне. Ведь сны так трудно поддаются управлению...»

– Хорошо, быстро. А у нас в Израиле сервис – неактуальное понятие. Его почти нет. И в заведении часто шатаются столы. Можно сорок минут ждать официанта, который принесет холодное блюдо. Гарри, что ты молчишь? Эй, не спи...

Возвращая своё сознание в разговор, он вдруг увидел, что она вытягивает банковскую карточку из кошелька. Безупречность маникюра на не помилованных жизнью пальцах только усиливала необратимость времени.

– Элина, плиз... стоп-ит, – он сделал рукой однозначный жест. Мы же ещё в чате «Одноклассников» договорились: за тобой – билет. Всё остальное – за мной.

– Гарри, ну мне неудобно. Я ведь хорошо зарабатываю. В конце концов, кто должен платить за счёт на первом свидании? – Каждый за себя, – растягивая рот в улыбке, она придвинула подглазные щёчки к дужкам очков.

«... Сколько ночей после свиданий с ней, где каждое было как первое, я провёл в ночных литовских поездах...»

– Ну да... вчерашнее и всё остальное не в счёт. – Усилием воли он отвёл свой взгляд от сухой пергаментной бумаги её постаревших рук. – Элина, убери. Спрячь! Ты меня поняла?

Не зная, как реагировать на совершенно незнакомую ей сталь в его голосе и непроницаемость брони в его глазах, она молча вернула квадратик пластика на своё насиженное место.

* * *

– Ой, извини... Я разбудила? У меня ведь ещё всё по израильскому времени.

– Ничего.

– Гарри... а где луна? ...В Америке что, нет луны?

Он перевёл свой взгляд с соседней подушки на пасмурное небо за окном:

– Почему нет, есть, есть луна. Просто пасмурно и сегодня, наверное, новая луна. Её не видно поэтому. Есть луна, есть... Спи...

August 12, 2018

Нью-Йорк. Манхеттен

– И, конечно же, господа, Бродвей. Эта влиятельная и не желающая подчиняться строгой шахматной архитектуре Манхэттена артерия демонстрирует вам сразу несколько эпох в архитектурных стилях...

Её попытки увидеть через окно верхушки небоскрёбов убрали её возраст с её шеи. Он перевёл свой печальный взгляд на пол автобуса.

«... Неужели, если бы я...»

– Гарик, эй, не спи, это Сити-холл? – она толкнула его локтем.

– ??? Что? Элина, что, извини, я задумался. – Он виновато вернул глаза назад. – Что ты спросила?

– Ничего; проехали.

Разница по времени с Израилем стала напоминать о себе к концу экскурсии. Устало прилонив голову к окну, она сняла очки и дала их ему в руки:

– На... возьми.

Вспоминая о чём-то своём, он осторожно сложил оружие борьбы с её куриной слепотой. Она прикрыла глаза....

Он не сразу нарушил затянувшуюся паузу:

– Устала?

– Да.

«... Как же мне хочется наперекор всем сидящим рядом... Что удержало меня тогда?»

* * *

– Фуу... хорошо, что ты выбрал автобус с кондиционером...

Вытерев пот со лба и положив носовой платок в сумку, она взяла его под руку:

– В открытом я бы долго не выдержала.

Он опять вспомнил, как начался для него тот проклятый им високосный год:

– Да. Помнишь, мы в покоем ехали с тобой утром первого января в Литве? Ты, точно так же сняв очки, дала мне их в руки. Помнишь?

Её молчание напомнило ему, что он одинок в памяти о том новогоднем дне:

– Ладно... я не буду грузить тебя сантиментами своих воспоминаний... Как тебе Нью-Йорк? Нравится?

Она оглянулась на автобусную дверь, куда заканчивала вползать очередь следующих туристов:

– Трудно ответить так сразу, он другой, совсем не такой, как те города, которые я видела в своей жизни. Такое впечатление, что никто не планировал строительство – один небоскреб, рядом другой, совершенно непохожий на соседний, за углом неожиданно церковь, потом вдруг старый дом – но всё это создает атмосферу бурлящей жизни, вечного движения. У нас в Израиле не так. В Ашдоде, например. Знаешь, у меня там какое-то ощущение искусственности что ли. Скажем, в южной части города. Все эти прямые линии, всё новое, всё блестит и сверкает, но такое впечатление, что там как будто никто не живет. Механический город будущего. А на севере города старые бюджетные коробки в 3–4 этажа. Весь город на деле – это как смесь современных Черёмушек с местечковой провинциальной грязнотой. Как иронично говорит моя подруга: смесь архитектурного изящества и людской гармонии. Мне, как человеку по сути столичному, приехавшему из маленького европейского городка, там неуютно. *Арсов*³ до хрена...

– ???Чего, – он среагировал на незнакомое ему слово.

– Ничего. Не бери в голову... А здесь... Теперь я, наверное, понимаю, почему Нью-Йорк называют столицей мира.

Он грустно улыбнулся, посмотрев вслед уходящей машине на колёсах, давшей им двух-часовой прохладный уют в полуденной жаре:

– Элина, у нас ещё уйма времени до начала. Кулинарный выбор опять твой.

– Почему опять мой?

– Ну... это ведь твой Аколь калюль и моя скатерть-самобранка.

– Ой, ну ты ж вроде тоже при этом?

Он не знал, о чём с ней сейчас говорить, стараясь не показать ей, что делает с ним ток, исходящий из её ладошек:

– Вроде... Да... у тебя свой Аколь калюль... у меня свой...

Она взяла его глубже под руку:

– Чего ты такой грустный? Ты выглядишь уставшим. Ты плохо спал?

– Сам не знаю. Я еще не привык спать так близко с тобой, мой сон, наверное, не такой глубокий... Хочешь поедем в русский магазин? У нас уйма времени, на самом деле. Здесь недалеко; я не думаю, что днём сильный трафик. Минут десять – и мы уже в тоннеле. С той стороны Ист Ривер еще, наверное, столько же. Там наверняка есть столики в кулинарном отделе. Купим ещё чего-нибудь, что не портится, с собой. Поедем?

---

³ *Арс* – человек с очень низким уровнем развития; быдло, шпана, гопник (*иврит, сленг*).

Пытаясь вспомнить тот новогодний день, она выпала из разговора на несколько секунд.

– ??? Элина? Ты где сейчас?... Эй?

Переведя задумчивый взгляд на него, она молча кивнула головой...

Нью-Йорк. Куинс

– Вау... – на входе в супермаркет она взяла корзинку, – как говорит моя вечно голодная приятельница из Ашдода: «Перед сном предпочитаю посмотреть ТВ. Полный пансион». Ну... точно скатерть-самобранка. Оронов, у меня сейчас необъяснимое чувство, что ты мой человек. И это ж всё оттуда. Как они умудряются набить его всем этим до отказа?

– Мадам, целуйтесь с закрытыми глазами. Здесь всё есть, – он стал накладывать в корбочку картошку с грибами. – Что ты будешь?

– Гарри, мой любимый жанр кино – триллер; я сама разберусь, ммм... – в азарте кулинарной охоты она пустилась снова между рядов с едой. – Готовы-ли-вы-к-браку? – По-ка-нет. Оронов, ты прям как знал, что я предпочитаю знакомиться в проверенных кругах. Ой, и эти... мои любимые! – она положила что-то в лоток. – Занимаетесь ли вы спортом? Да, регулярно-но, – рука потянулась к чебурекам, но в последний момент она передумала и шагнула к прилавку с мясом. – Довольны ли вы своим телом? Несовсем. Да... так вот, подруга из Ашдода, съедающая их всех без соли и не видящая никого на метр, но... большая юмористка, сравнивает жизнь, любовь с супермаркетом, с кулинарией: Невнимательно читала надписи на консервах – и... фуу... – скривив губы, она отшатнулась от подноса с посредственной селёдкой, – Пришла не в тот супермаркет – всю жизнь потом будет изжога. Не-спра-вед-ли-во... Ой... лучший способ познакомиться: Через общих друзей... Вау... конфеты! – она метнулась в сторону кондитерской полки. – Настоящая любовь – это реальность? Что ж ты всё время молчал? Мой организм это требует! Ммм... Беру...

– Элина, мне не жалко, но ты не объешься?

– Оронов, спокойно, ты что, до сих пор не заметил, в какой позе я сплю? – На боку. Не боись, я перед сном посмотрю ТВ.

Глядя на выбранные ею жирные колбаски с луковым гарниром и суп лагман, он выпал из разговора на несколько секунд.

– Гарри, что ты так смотришь на мой супчик? Ну, да... в своё время подруга из Ашдода траванулась; больше не хочет. – Она поправила на подносе высокую банку с аппетитной жидкостью. – ??? Гарри... эй... Ты где сейчас?

Переведя задумчивый взгляд на неё, он молча кивнул головой...

Нью Йорк. Театральный Дистрикт

Когда стихает шум
И меркнет свет,
Звучит наш сладостный
Ночной дуэт.
Ты знай, что рядом я...

Он видел этот мюзикл несчётное количество раз.

Фантом – белый артист, фантом – чёрный артист, фантом постарше, фантом помоложе, фантом, которому пора бы на покой.

Гости из Москвы, друзья из Израиля. Гости из Германии. Чуть ли не каждый год он кого-нибудь сюда приводил. Простое либретто, не требующее от зрителя большого знания английского, божественная вечная музыка. Сегодняшняя игра Фантома и его партнёрши не то чтобы хватала с неба звёзды.

...«Сколько раз в неделю они стараются над их двойной драматургией?»

Драматургией любви вземного духа к земной, замирающей от страха деве. И драматургией страха вземной любви мужчины к женщине, которая замыслом дьявольского плана, никогда не сможет стать его. Сколько раз в неделю они повторяют это? Семь раз? Девять?»

Спой ещё раз со мной.

...«Где же непереносимость боли в голосе, которую я слышал, каждый раз, когда был здесь? Где нестерпимость муки под маской? Почему он не рыдает? Она ж ведь никогда...»

Каждый раз, сидя в этом зале, он почему-то вспоминал Литву, где они смотрели пару каких-то спектаклей вместе. В каждое посещение «Фантома» память уносила его назад в Вильнюс, где они сидели рядом и смотрели на сцену.

...«Сидели рядом...»

Пой вновь со мною ты,
Ты, я – дуэт,
Власть надо мной твоя —
Сильнее нет.
Хоть и боишься ты,
Поверь ты мне,
Я, Призрак тот, из Оперы, я здесь,
В твоём уме...

В каждое посещение он почему-то представлял её сидящей на соседнем кресле...

«Какая она теперь? Как выглядит? Любит ли ходить в театр? Сейчас она опять, меньше чем в полуметре сидит справа от меня. Все те же тридцать сантиметров разделяют наши головы. И тридцать лет разделяют нас с нашего последнего посещения храма Мельпомены.

... Почему..? Почему она боится, почему не играет в игру “доверие”? Почему забрала руку? Ведь её же никто и никогда не будет больше так любить...

... Нет, это не искреннее “ААААААА!!!” Как сложно и сколько раз в жизни драматургию взнезмой любви можно повторить?

... Почему он не пьёт её сопрано? Почему не на коленях?... Сколько раз в жизни такое можно..?»

В безумном пиршестве
Ночных теней
Всего лишь маска я.
Я скрыт под ней
Ты слышишь голос мой,
он мой двойник.
Смогу ли я теперь
забыть сей миг...

* * *

– Понравилось?

– Гарик, очень, спасибо тебе! Потрясающе. Это не может не растрогать. Как на таком маленьком кусочке сцены можно создать такое чудо. А тебе?

...«Сказать ей о своих чувствах и воспоминаниях? С ума сошёл.

Неужели ты думаешь, она поверит? И ей что, сейчас нужно слушать твой сентиментальный бред?»

– ...И мне понравилось.

– Дай, я возьму тебя под руку. Устала чего-то. Спать хочется. Видимо, к перемене времени ещё не привыкла. Сколько ехать до дома?

...«Почему когда я с ней, подошвы туфель предательски скользят?»

– А ехать никуда не надо. В двух кварталах отсюда живут мои друзья. Они сейчас в Калифорнии или Юте делают свои ботинки пыльными. Ключ от их квартиры у меня в кармане. Только на парковку зайдём, возьмём сумку. Я прихватил с собой зубные щётки, бритву и бельё переодеться.

– И... моё бельё???

– И твоё бельё, черное такое с кружевами, которое ты почему-то затолкала в самый дальний карман чемодана. Почему ты туда его затолкала?

– Ммм, потому что... потому что когда увидела тебя в первый раз без рубашки, я поняла, какие это будут нелепые попытки приукрасить свои тела. Ты что, не понимаешь, как мне неловко прикладывать свою дрябловатость к твоим мышцам?

– Зря затолкала, мы его сегодня опробуем. И перестань унижать себя.

– Гарик, ты и вправду сумасшедший, ну-ка посмотри, ну посмотри на меня, ты видишь меня такой как тогда, да?

– Наверно... Возможно я действительно всё ещё где-то там, между подъездом и видом из окна. Это плохо?

– Эй, подожди, а косметика? Косметика где? Мне ж себя поутру разрисовать надо под шпиона Гадюкина, чтобы мама родная не узнала.

– Косметика осталась дома. Я про неё не подумал.

– Э, нет, я так не могу. Поехали домой!

– Элина, домой мы не поедem. Я тоже устал и хочу отдохнуть. Так что посмотрю на тебя завтра без косметики.

– Гарик, ты что не понимаешь, зачем я проскальзываю в ванную, пока ты ещё дремлешь? Ты будешь избегать смотреть на меня без косметики. Испугаешься.

– Элина, давай договоримся, если увидишь испуг на моём лице, когда я проснусь, отвернётся...

* * *

– Гарик, сколько этажей сейчас под нами?

– Сорок семь... сорок шесть, если точнее. Тринадцатого здесь нет из-за суеверия. Нравится вид? И тишина, шум с улицы сюда не доходит.

– Да, вид впечатляющий, в этом есть что-то завораживающее. – Подойдя к подоконнику, она стала рассматривать фотографию мужчины в обнимку с женщиной в очках, – это хозяйка квартиры?

Он посмотрел на фото в её руках, отснятое не меньше десяти лет назад, – Да, а что?

– Мужик хорошо сохранился, а она чем-то похожа на меня в молодые годы. Тебе везёт на брюнеток в очках. Ему стоило усилий не показать, что делает с ним так беспечно оброненная ею глупость:

«... Она сейчас понимает, что всего два месяца как...»

– Все брюнетки в очках как-то похожи. Но в её случае повезло хозяину квартиры. У него, правда, заняло очень много времени это понять.

Почувствовав лёгкий сарказм в его голосе, она сменила тему. – Мне подруга из Ашдода всё время говорит, что у меня неправильное представление, что замужем женщины лучше сохраняются. Это если муж хороший. А это редкость. Я вообще заметила, что в паре лучше выглядит тот, кто меньше отдаёт. А женщина, как правило, всегда отдаёт больше. Плюс психологический прессинг вынужденного замалчивания, – она поставив фотографию на место. – Но у кого-то бывает и по-другому. К сожалению многие женщины не ценят этого.

Хочешь спать? Я ещё посижу немного у окна...

Чарующая красота Нью-Йорка открывалась перед ней с высоты приютившей их квартиры. Центр Манхэттена, вопреки устоявшимся стереотипам, не выглядел как страшное каменное чудовище. Наоборот, какое-то приятное расслабляющее чувство заползло в её голову мягким эйфорическим кайфом. Огромные бетонные глыбы не пугали, не отталкивали. Каждое окошко в них светило тёплым таинственным светом, давая намёк на обычную жизнь за этими стеклами. Свет отражался в зеркальных окнах зданий напротив, удваивая сказочную панораму. Чтобы усилить картину, она потушила свет в комнате. Повернувшись вполборота к окну, стала молча впитывать в себя десертный этюд утомительного дня.

Его глаза созерцали бесценный силуэт на фоне феерии ночного царства. Он старался не выпустить эти контуры из сознания до последнего и не почувствовал момента, когда они, медленно пробивая пелену времени, унесли его в Вильнюс...

Она не сразу поняла, что он не один в кинозале сновидений. Он прерывал дыхание, потом начинал дышать учащённо, явно ведя борьбу с чем-то. Неясный крик пытался прорваться через видение его грёз. Он затихал на какое-то время, но гипноз нестерпимой летаргии снова забирал его к себе.

– Гарри, Гарри, проснись!!! – она тронула его в испуге за плечо.

– Гарик, *титорер*⁴, ты кричишь во сне, проснись...

---

⁴ Проснись (*шепит*).

Он выплыл из своего кошмара не совсем понимая, где он.

– Гарик, ты кричал во сне, – она гладила его по голове, – ты кричал... что тебе приснилось?

Меньше всего ему сейчас хотелось делиться с ней кинопрокатом своей отключки. Он прятал глаза, явно не желая запускать её на эту полку своей памяти. Приподнявшись на локте и переместив голову к её коленям, он восстанавливал дыхание:

– Элина, давай спать. Я постараюсь не мешать тебе.

– Оронов, скажи, тебе станет легче, я знаю! Что тебе снилось?

...«Может, теперь, когда я с ней, мне лучше вылить эту воду из ведра моей истерзанной души?»

Он поцеловал её в чашечки обоих коленок и нехотя через силу начал своё признание:

– Элина... мне часто снится этот сон. Три месяца спустя после того как ты дала мне отставку, ты приходишь в мою вильнюсскую квартиру, как будто отдать какие-то деньги. Тебя привозит ко мне какой-то пижон на жигулях...

– Какой пижон, какие деньги, на каких жигулях?

– Не знаю, это же сон. Но мне он не нравится. И тебе он не нравится...

– Кто не нравится?

– Пижон на жигулях.

– Почему ты решил, что мне он не нравится?

– Не знаю, это сон... но я вижу это по твоим глазам.

– И дальше что в твоём сне?

– Ну, ты отдаёшь мне какие-то деньги, которые якобы ты была мне должна, потом начинаешь рассказывать про какие-то уроки вождения машины. Ты говоришь мне, что ты такая дура и у тебя ничего не получается.

– С кем? С пижоном?

– Нее, нет... не знаю, Элина, это же сон, там не всё чётко...

– Ну а дальше?

– Дальше я отдаю тебе твой портрет, мой подарок ко дню рождения, завёрнутый в мешковину. Говорю, что сейчас не открывай, потом посмотришь.

– А потом?

– Ты говоришь мне, что я с весны так ни разу и не был в Шяуляе. Я отвечаю, что ты забрала у меня причину бывать там...

– Дальше...

– Тыходишь к окну... и стоишь там, скрестив руки на груди, смотришь куда-то далеко... и молчишь. Я хочу броситься к твоим ногам с криком:

– Что же ты делаешь, не уходи!!! Дай мне руку, тебя ведь никто больше не будет так... Я хочу крикнуть это тебе и не могу. Как это обычно бывает во сне, я пытаюсь... и не могу...

– Но я же слышала сейчас, ты кричал. Ты что-то неразборчиво кричал!

– Не знаю, я это вижу так что хочу кричать... и ... что-то держит меня. Ну и это, может, в этот раз, в этом сне.

Да и как ты могла услышать меня? Ведь это был мой сон... его видел я.

– Что потом? Чем заканчивается твой сон?

– Не знаю, у меня никогда не получается досмотреть его до конца. Это же сон... Хотя один раз в нём ты прервала своё молчание... и сказала: «Да ладно тебе, будешь в Шяуляе, позвони...»

– И что ты мне ответил?

– Я ответил: Хорошо, буду – позвоню.

– Что же ты не позвонил?

– Элина, не знаю. Ведь это же сон. В нём я лишь тихо без слов надрывно кричу тебе, чтобы ты не уходила... Но ведь это же всего лишь сон.

– Ой, ну и сон, сплошные кошмары. С тобой не соскучишься. Подвинься-ка лучше, дай мне лечь. И спи. Завтра у тебя будет кошмар наяву – я без косметики.

* * *

– Гарри, ты не спишь? Ты не можешь уснуть?

– Пытаюсь... – его рука судорожно тянулась к покрытому туманом призраку минувшего, но барьер времени, как это бывает во сне, делал последние сантиметры непреодолимыми. Веки смыкались, укутывая память покрывалом блаженства, с каждой попыткой зачехляя упоение тех далеких лет:

– Эй, Оронов, не спи ещё чуть-чуть. Мне важно знать это...

– Что?

– Гарри, а почему ты не падаешь на колени в твоём сне? Почему не бросаешься к моим ногам?

– Элина, не знаю. Ведь это же сон, сны не поддаются управлению.

– Ааа...

– Ну и, наверное....

– Гарри, что?

– ...Пижон на жигулях, он ведь ждёт тебя у подъезда.

– Ну и что с того?

– Наверное, мне очень не хочется увеличивать количество пижонов в твоей жизни.

– ...Я... Я не думала про это.

– Не думала про что? Ведь это ж сон, в нём не думают, его просто видят. И это мой сон. Ей хотелось понять его, но мешанина чувств не давала проникнуть в смысл услышанного. Ему хотелось свернуть этот разговор, но её всё ещё тянуло говорить:

– Ладно... извини. Помнишь год назад в чате «Одноклассников» ты говорил мне, что работал программистом какое-то время. Я в этом совсем ничего не понимаю. Это было трудно?

«... Столько лет прошло, а я всё ещё вижу этот сон...»

– Нелегко. Всё впервые. Кто-то сверху вручает тебе непонятно для чего и кем задуманный проект. И ты искренне пытаешься справиться, лихорадочно что-то делать, не особенно умея это делать. Ошибаешься. Не спишь ночами, продумывая свои ошибки. Звонишь по телефону с намерением что-то понять, разобраться и в то же время не наговорить глупостей.

Пытаешься перепрограммировать, исправить. Опять не спишь... Тяжело было, очень. Ххх... Самый важный проект я, если честно, завалил. Со временем понял, что нужно искать другое место в жизни.

– Понятно... Ладно... будем спать?

– Да...

– Гарик...

– Ммм...

– А ты любил её?

– Элла, давай спать.

– Но всё-таки.

– Элла, давай спать. Три часа ночи. Ночью люди должны спать. Я знаю, что в Израиле сейчас уже десять утра. Но постарайся не мешать мне. Я постараюсь не мешать тебе тоже. Дай мне поспать....

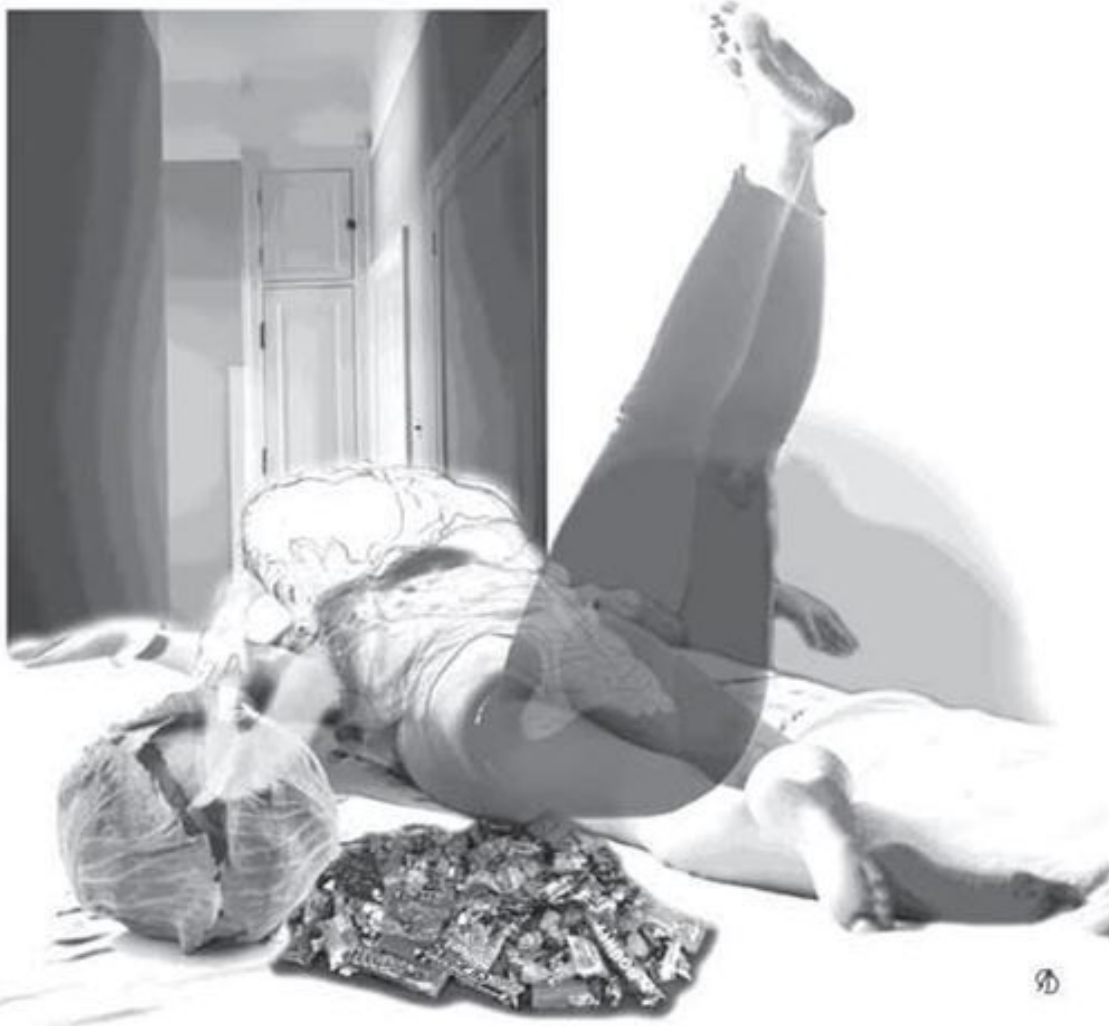
Его сознание висело на последней нити перед отрывом в небытие. Комок не до конца понятных ему самой чувств не отпускал, не давал ей свернуть своё нещадное ковыряние:

– Гарик... последний вопрос. Мне не легко его задать. Не обижайся... Насколько твоя покойная жена была похожа на меня? Ну... в жизни?

Фантом его жизни уносил с собой всё дальше сгусток щемящих чувств:

– Хххх... Не знаю... Ждать и искать, Элина, всегда легче, чем найти, но остаться на том же расстоянии. Я ведь тебя толком не знал. Все брюнетки в очках как-то похожи. А насколько была она..? Наверное, настолько, насколько я этого хотел...

August 13, 2018

Плезантвилль Штат Нью-Йорк

– Ой, ноги притомились, – блаженно вытянувшись, она легла рядом с ним на кровать. – Гарик, сегодня утром в Сентрал-парке, когда мы сидели на скамейке и ели мороженное, напротив нас сидела пара с детской колясочкой.

– Да, муж высокий такой, а она в синей футболке, – похрустывая суставами, он стал растягивать затекшие мышцы спины.

– Да, нет, не та пара, другая. Две мамы с одной и той же колясочкой.

– А... ага, и что?

– Как ты к этому относишься?

– Ну как я к этому отношусь? Любовь есть любовь. Этим людям очень нелегко в этом мире быть теми, кто они есть. Нормально отношусь. Люди любят друг друга, любят своих детей. Это главное. И им не нужно думать о том, кто и как к этому относится. Как сказала одна моя дальняя знакомая: ты не знаешь, как ты к этому относишься, пока твоё собственное чадо не поставит тебя перед фактом. Им, кстати, в штате Нью-Йорк даны все права, насколько я знаю. Право на владение совместным имуществом, усыновление детей, право на наследство. Всякое такое. У вас в Израиле тоже, наверное, так?

– Да, нет. Не так чтобы... хххх, – она сузила глаза, думая о чём-то своём. – Хотя в последнее время есть сдвиги в этом направлении. Хххх... Израиль, знаешь ли, вообще в каких-то аспектах очень консервативная страна. И многие законы у нас не совсем логичны. Вот, например, человек, у которого бабушка по маме не еврейка, в Израиле не считается евреем. Его призовут в армию. Но если погибнет, похоронить его можно будет не на всяком кладбище. И жениться тоже нельзя. Раввинат не оформит этот брак. Много наших с тобой бывших соотечественников едут с этой целью на Кипр.

– А... ага, я слышал об этом от друзей.

– Чему ты лыбишься?

– Ну... это был бы наш с тобою случай. И у тебя, и у меня не всё ведь в порядке по израильским законам с маминными бабушками. Для израильского чиновника мы с тобой *Mischlinge*⁵ разной степени. Или ты, когда оформляла документы на выезд в Литве, изменила закорючку с одной из бабушек? Повернись-ка на живот, – Он стал массажировать её затёкшие шею и плечи. – Да я смеюсь, это так, на будущее, на всякий случай.

– Фххх... ааа... Аккуратнее...

– Лежи!!!

– Гоями у нас таких называют. Го-я-ми... – она задумалась над смыслом услышанного. – Ой... всё, хватит. У тебя сильные руки. Мишлинге-первой-степени, укуси меня один раз больно за жопу. У тебя хорошо получается. На всякий случай....

---

⁵ Смешанная раса (*немецкий*). Термин, применяемый в Нацистской Германии.

– Аааааа!!! Идиот! Больно!!!

* * *

Она лежала, вытянувшись всем своим обнаженным телом на животе, положив подбородок на скрещенные впереди себя руки:

– Оронов, сил после тебя нет совсем... Как ты это делаешь, что совсем без сил я сейчас? А?... Можешь сходить вниз на кухню, принести мне пару конфеточек-шоколадочек, которые вчера в русском магазине купили?

– Подожди... дай мне минут пять. Если ты думаешь, что у меня сейчас много сил, то ты ошибаешься.

Его взгляд не спеша скользил вниз вдоль её спины, дюйм за дюймом осматривая её тело. Замес её булочек явно нуждался в меньшем количестве дрожжей...

...«О, Бог ты мой, конфеточки-шоколадочки! Она-то и тогда, тридцать лет назад не была худюлькой».

В момент второй или третьей близости она стыдливо призналась ему, что как только купила билет, то сразу села на капустную диету, чтоб уж как-то ну не совсем... Сказала, что похудела килограммов на пять, хотя мучилась сильно. Его так и тянуло за язык спросить у неё, добавляла ли она в свою капусту лук; воздержался, однако.

Он подумал о своей жене, уже отдыхающей от процесса житейских мук, сопровождавшихся неизменным похудением.

После каждой беременности и родов она очень сильно поправлялась. И каждый раз, благодаря его усилиям, ей удавалось быстро восстановить свой изначальный размер. Он контролировал её диету, наблюдал каждый её спортзал три раза в неделю и заставлял гулять каждый вечер по полтора часа. И вся продукция многочисленных кондитерских комбинатов бывшего Советского Союза, все эти конфеточки выискивались им по разным кухонным сусекам и отправлялись в мусор, несмотря на бурные протесты и постоянный визг.

...«Сколько бы заняло у меня вернуть её в нормальный размер, – думал он, Шесть месяцев, девять? Через год всё, что ниже спины, просилось бы на рекламную страницу купальников, и её торс, потеряв жировую составляющую, в бюстгальтере этой бы страницы не портил. С каким удовольствием она бы тратилась на открытые купальники вместо закрытых, которые так аккуратно разложила в шкафу?»

Он вдруг поймал себя на мысли, что ни разу не видел её в купальнике тогда, в Литве.

«Может быть, это бы спасло меня от тридцати лет ностальгических стенаний? Наверное, нет, я ведь люблю её сейчас и такой. Почему её власть надо мной всеильна? Почему моя обычная упругая деспотичность патриция с ней так быстро превращается в податливую плебейскую раболепность? Почему мои эстетические стандарты умирают при одной мысли о ней?»

...Почему эта женщина существует для меня вне её земной оболочки, вне концепта времени? Смогу ли я когда-нибудь разобраться в этой капусте с луком?»

– Гарик, куда ты?

– Ну как куда, вниз на кухню, за конфеточками.

– Оронов, я сейчас смотрю на своё тело после изнасилования с ощущением полнейшей безнадёжности. Тело не имеет видимых повреждений, а про безнадёжность я расскажу тебе позже. Лежи... не уходи никуда, я уже сплю... спи и ты.

Он подчинился её воле едва ли не мгновенно...

August 14, 2018

Нью-Йорк. Манхеттен. Мемориал 9/11

– Гарик, где ты был в тот день? – она присела поправить шнурки на кроссовках.

– Мой офис был на девяносто шестом этаже этой, северной башни. – Не мигая, он смотрел на стекающие по стенкам вниз мерные потоки воды. – Я опаздывал на работу в тот день. Дети капризничали в то утро. Маленький был совсем кроха. Это задержало меня дома на пятнадцать минут. В метро какая-то женщина с наушниками в ушах спросила меня: «– Вы слышали, что в одну из башен врезался самолёт? – Какой самолёт? Когда? Маленький самолёт? – Пока непонятно, не говорят».

Мы вышли вместе из сабвэя и подняли глаза вверх... – прищурив глаза, он опять стал смотреть вниз на «Отражение отсутствия».

– Оййй, Гарри... Тцс... – она поправила очки на переносице.

– Да. Их короткая жизнь, их мечты, и их сны были смыты в одно мгновение в бездушный унитаз минувшего. Дава-й пойдём. Не по себе мне немного...

* * *

Плезантвилль. Штат Нью-Йорк

Он лежал, вытянувшись всем своим обнаженным телом на спине, положив голову на скрещенные на затылке руки. Её пальцы медленно гуляли по его груди:

– Оронов, откуда всё вот это?

Не понимая её вопроса, он повернулся к ней на подушке:

– Элина, о чём ты?

– Ну... вот это всё... – она постучала лапкой по его скульптуре.

Как и тогда в Литве, он боялся попасть невпопад в разговоре с ней:

– Элина, я не такой умный, как кажусь на первый взгляд, о чём ты?

– Ну вот это... все эти мышцы, этот пресс...

До него наконец-таки дошло.

«Вся эпопея моих свиданий с ней пришлась на сезон курток и пальто. Она ни разу тогда не видела меня даже в рубашке с коротким рукавом!»

– А... это... ну, я ходил в секцию тенниса в детстве и юности. Там прыгали на скакалке, отжимались от пола, качали пресс...

—..??? Когда ты ходил!?

– С двенадцати до двадцати двух лет. Пока в Литву после института не переехал. Корты были в пяти минутах от дома, где я жил, можно сказать, под окнами.

– ... Подожди, ты хочешь сказать, что всё это было тогда... гмм... ну... когда...

– Ну да... было больше, наверное, тогда. С возрастом мышцы убывают, жир прибавляется. Я набрал килограмм пятнадцать с тех далёких пор. Я давно уже не занимаюсь в спортзале набором мышечной массы. Так что, думаю, что тогда было не меньше. Жира, правда, не было. Совсем не было... На пляже мне тогда говорили, что на вас можно изучать мышечную анатомию.

– Оронов, у меня были гм... учебные пособия, я их перелистывала... иногда, – задумчивость долго переваривалась работой мышц её лица. – Оронов, ты что, не мог показать мне всё это тогда?

...«О, Бог ты мой! Как нелегко мне было тогда!»

– Гк-хм... ну да... моя вина...

– Ненавижу... псс... Я хочу это царапать, – она стала водить ногтями по его «стиральной доске» на животе.

– Царапай, это часть твоей путёвки, включено в Аколь калюль и полезнее пирожных из русского кафе.

– Хм. Хм. Хммм... А ты, блять, крети-и-ин, не-на-ви-жу... Псс, псс...

* * *

– Гарик... ххх... – связав кисти её рук своими пальцами, его губы без труда находили в прорехе переплёта только ему знакомые места.

– Оронов... откуда... ты знаешь, что целуя глаза... – Избирательность его губ ломала все её стереотипы.

– Гарик, не надо... они... Ххх...

Переписывая черновик пособий, он быстро наполнял соком предметы её стеснения.

– Оронов... ты... ххх... Откуда... ты... знаешь... Где ты... ххх... постиг эту науку...

Прижимаясь головой к мутону её чернобурки, он привычно нашёл губами сафьян на внутренней стороне её ног.

– Оронов... я... ххх...

Вдыхая аромат её влажной духоты, он открывал языком коробочку слипшегося монпансье.

– Гарик... ххх... не надо... я ххх... не люблю... это... Ххх...

Взяв её палец в свою руку, он отыскал им улитку её естества.

– Оронов... Я... ххх... Я так не привыкла...??? Ххх... ххх... Где ты..?

Он перестал придерживать момент совместной истины.

– Оййй... мммм... нуууу... ххх... Ещё...

Он стал чередовать отжимания от пола с прыжками на скакалке.

– Оронов... Оййй... Ххх... её фальцет перерастал в глубокой грудной голос, – Это моя... Оооо... – она прикрывала второй ладошкой тахикардию в собственной груди – Ххх... долго-играххх-ю-щая... Всёёёёооо...

Убирая губами пот с её лба, он медленно расстался с треугольником её женской сути.

– Оронов, оййй... – больше всего ей хотелось сейчас порвать хрестоматийный текст своих тридцатилетних проб, – Оронов, у меня ххх... были... посо-би-ххх... Не-наххх-вижу...

Откинувшись на спину, он прижал к своим губам мокрый палец пришедшей к финишу ни с кем не сравнимой черепашки...

* * *

– Фуу... Лежи-лежи. Перетрудился... Хочешь, я тебе кофе сварю?

– Нет... Не хочу...

– А что ты хочешь?

– Я боюсь, что ты... испугаешься настоящей правды.

– Постараюсь нет, псс.

– Я хочу, чтобы ты сыграла со мной в игру «доверие»

– А как в неё играют?

– Я хочу, чтобы ты села мне на грудь, повернувшись ко мне спиной. Доверься мне.

– Зачч-еем? Почему на грудь? И почему спиной?

– Я буду кушать всё, что пониже спины. Мне будет вкусно. Потом съем всё, что выше поясницы. Там у тебя одна из самых сильных эrogenных зон. Тебе тогда не надо будет прятать от меня игрушки и глаза. Тебе так будет комфортнее. А потом я... Я ещё не решил, что потом...

– Оронов, откуда ты всё знаешь? Где, когда и с кем ты постиг эту науку?

...«О Бог ты мой! Заклятая жрица любви моей! Желанная дьяволица моей ненависти! Знала бы ты, какого монстра ты породила, прикрыв тогда за мной дверь в своей шяуляйской квартире!»

Восьмёрка его внутренней таблицы умножения, состоящая из четырёх лет жизни в Литве, с неистовой мстью каждой встреченной им женщине, в сочетании с четырьмя годами «доженатой» жизни в Америке, с её производительностью труда и быстротой принятия решений, выдавала убойный результат. Каждый раз мысль о величине этой цифры бросала его в пучину брезгливого отвращения.

...«Почему же сейчас к ней я чувствую что-то совсем другое?», – думал он в истомном бреде, стараясь не пропустить губами ни сантиметра кожи на её половинках.

– Гарик... оой... Ну я же спросила тебя что-то... Оооох...

– Элина, я... Хххх боюсь... что ты... Хххх... испугаешься настоящей правды.

– Постарааааюсь неееет. Я же иногда... ххх... смотрю фильмы для взрослых. Где... Оооох... когда... Ххх, и с кем ты постиг эээтухх науууку?

– Элла, какую науку? Говорить правду и ...хххх делать, что хочется? Нееее знаююю... Как тоооох само прорвало...

* * *

– Оронов, укуси меня ещё раз больно за жопу... Или ущипни, хотя бы.

– ... Зачем?

– ... Я хочу удостове... Мммм... Низачем... И ваааще, расскажи тебе всё... Спи, я уже сплю...

* * *

– Фуу, фууу... Фуууу.

– Элина, проснись... эй... ты во сне отгоняешь кого-то.

– Ой... фууу... Оронов, а где твои носки?

– Чего??

– Носки... твои..?

– Какие носки?

– Фууу... Мне снился сон... со шмелём и носками. В комнате мужиков каких-то на полу после какой-то свадьбы вповалку, носки свои вонючие поразбросали кругом. Вокруг них летает шмель и своими крылышками распространяет эту вонь.

– Чего..???? Х м хм хм..... Какие мужики? Какой шмель??? Х м хм хм... Ты явно перетрудилась вчера... Здесь нет никаких шмелей; сетки на окнах. И только один мужичок, намёк на него.

– Тебе смешно... Ха-ха-ха. А носки где?

– Элина... какииие носки?

– Ну твои, которые вчера носил? Ты что не помнишь? У меня пунктик.

– Элина, они в сушилке возле кухни. И твои тоже там. Я постирал вчера. Нам в поездке понадобится много.

– Аааа...

– О, Бог ты мой! Спи... хм хм хм... Шмель, мужики... носки...

* * *

– Элина, не спишь, почему?

– Так, думала... долго. Думаю...

– О чём?

– О книге жалоб и предложений в гостиную...
August 15, 2018

Плезантвилль. Штат Нью-Йорк

Тёплый августовский вечер пропускал в приоткрытое окно стрёкот цикад, предвещающий конец их недолгой жизни.

Каждую ночь, перед тем как лечь в постель, под предлогом конфет из холодильника, она спускалась на первый этаж и подолгу смотрела на замороженный во времени-пространстве портрет на чайном столике. Мистика сходства с фотографиями своей молодости лишала душевного покоя. Непонятное чувство било в голову. Волшебство в чёрной мореной рамке добавляло в кровь адреналин. Стараясь не шуметь, она вернулась наверх.

Мальчишки спали как убитые по своим комнатам после приезда из Флориды. Они гнали гордость его мини-автопарка Форд F150 без остановок двадцать один час. Усталость свалила их ещё до прихода из позднего кафе родителя и его заморской гостыи. Закрыв дверь спальни на щеколду, она под села к нему на край кровати:

– Оронов, отложи пульт в сторону или лучше – совсем выключи телевизор. У меня к тебе серьёзный разговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.